

Новгородцев Александр

Анимация от Алекса до Я, или Всё включено

сезон первый Берег Турецкий

кемер Rose Hotel

Александр Новгородцев

**Анимация от Алекса до
Я, или Всё включено**

«Издательские решения»

2015

Новгородцев А. В.

Анимация от Алекса до Я, или Всё включено /
А. В. Новгородцев — «Издательские решения», 2015

Это захватывающая повесть о приключениях отважного российского аниматора на побережье Кемера, вооруженного налётом наглости, набором плавок и волшебной мантрой. Глубина описываемых событий позволит вам увидеть себя в роли отдыхающего со стороны, сопереживая герою книги, соприкоснуться с невидимым взору туриста закулисным отельной жизни, не раз и не два истоптать песок дикого пляжа в поисках романтики и соприкоснуться с реалиями напряжённой, но не лишённой веселья работы.

Содержание

Вступление для серьёзных читателей	6
Глава 1	7
Глава вторая	21
Стало быть третья глава	32
Глава Арбузная	41
Глава-продолжение	51
Глава 4	59
Дополнение к главе 4 и предисловие главы 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Анимация от Алекса
до Я, или Всё включено
Сезон первый. Берег турецкий
Александр Васильевич Новгородцев**

© Александр Васильевич Новгородцев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление для серьёзных читателей

Уважаемые, вдумчивые читатели, требовательные к литературе как к мыслительному искусству, искусству несущему свет просвещения созидательной направленности, окультуривания. Под задачей литературы в вашем правильном представлении отводится постановка зачастую неразрешимых вечных вопросов поиска места человека, раздираемого противоречиями и внутренними конфликтами, обуеваемого низменными страстями и высокими побуждениями, место человека в этом не столь совершенном полигоне жизни, попытка решения нравственных дилемм, религиозных парадигм, оправдание гуманности теории «меньшего зла».

Нижеприведённый абзац, единственное, что я могу вам предложить в качестве мыслительной подпитки. За ним начнётся дикая, варварская территория, с порой непостижимыми законами бытия, непредставляющая ценности для пытливого анализа загадки человеческой души, территория сложная для постижения интеллектуальным умом. Полная несерьёзность, попытки втянуть вас в дебри зарождающейся иронии и неразвитой сатиры, перемежающиеся вкраплениями цинизма – эти опасности будут подстерегать вас на каждой странице.

Но если вы, уважаемый читатель, не относите себя к светочу и кладези знаний о мироустройстве, предпочитаете, чтобы люди при встрече обращались к вам: «Привет, братуха. Хы. Как чё ваше, как жизнь?» – сразу переходите к первой главе, не заостряя внимания на том, что написано чуть ниже. В противном случае, у вас может возникнуть опасное состояние – паралич мозга, состояние при котором ум заходит за разум. Не вдумывайтесь, как такое возможно, не прибегайте к поиску медицинского справочника, просто сразу ищите Главу 1 и продолжайте чтение, если уже освоили это ремесло.

Итак, мой вдумчивый читатель, этот абзац для тебя, наслаждайся им и возвращайся в эту мирную гавань в любой момент, когда тебя станет раздражать и утомлять скабрёзность, надуманность и рудиментарный примитивизм основной истории. Вот он:

Лирика нивелирует ритмический рисунок, но языковая игра не приводит к активно-диалогическому пониманию. Синекдоха, без использования формальных признаков поэзии, отражает поэтический возврат к стереотипам, при этом нельзя говорить, что это явления собственно фоники, звукописи. Например, лес – для опытного лесника, охотника, просто внимательного грибника – неисчерпаемое природное семиотическое пространство – текст, поэтому мифопоэтическое пространство недоступно приводит речевой акт, но не рифмами. Как отмечает А. А. Потебня, эстетическое воздействие текуче. Жирмунский, однако, настаивал, что комбинаторное приращение недоступно отталкивает словесный генезис свободного стиха, таким образом постепенно смыкается с сюжетом. Линеаризация мышления однородно представляет собой былинный композиционный анализ, также необходимо сказать о сочетании метода апроприации художественных стилей прошлого с авангардистскими стратегиями.

Основано на подлинных, кое-где слегка преувеличенных, а местами и вовсе – нагло перерванных событиях.

Глава 1

Вводная.

В которой, уважаемый читатель опосредованно знакомится с уважаемым писателем и возможно проникается к нему явной симпатией.

Чувствовал я себя в этот момент таким же чужеродным для окружающей среды объектом, как огородное пугало, чей шест неведомые остряки вогнали в илистое дно посреди пруда с карпами. Случайный прохожий подивился бы на миг, увидав обмотанное тряпьём чудо в полуистлевшей соломенной шапке, а может и остановился кинуть пару камней в рыбий огород, чтобы сбить дырявое ведро, болтающееся на поперечной оглобле и посредством бравых бросков наградить себя полулегальным титулом «меткача дня» и «грозы ворон».

Так и я, подобно пресноводному пугалу, приняв «тадасану» – позу горы из справочника йога за 1976г., стоял на щедро орошаемой полуденным солнцем припарковочной зоне, спиной, затылком и фибрами души к светлому массивному зданию с надписью «Antalya international Terminal 2», обдуваемый влажно-тёплым южным ветром. Стоял, высился с непроходящим напряжением в подложечной области и ждал своих «меткачей дня» или, как их принято называть среди обывателей спецлечебниц – «Рино рейдеры» (Rinos raiders – расхитители почек (лат. англ.) по аналогии с Tomb raider расхитительница гробниц прим. авт.).

Честнее сказать, я их вовсе не ждал и не чаял встречи. И век бы мои глаза их не видали. Но согласно третьему неучтённому закону личностной фортуны, вытекающего из маслянистой поправки к падающему бутерброду и мудрым наставлениям моего лучшего, на тот момент, друга Кольки, находившегося от меня на расстоянии в нескольких авиачасов полёта, приехать должны были именно они – «расхитители» – криминальные охотники за донорами внутренних органов.

Я поборол в себе желание стремглав ринуться обратно в здание международного аэропорта за моей спиной, броситься в ноги русским лётчикам или припасть к длинным изящным ножкам российских стюардесс (этому варианту в моей мысленной прокрутке я отдавал большее предпочтение ввиду гетеросексуальности своей натуры) и умолять отвезти меня домой. Домой значит – обратно, в начинающий ощущать нарастающее дыхание весны, родной город Архангельск, являвшийся на протяжении более чем двух дюжин лет и до сей поры местом моего славного жития бытия.

А ведь имелся, имелся ещё запасной вариант спасения и избежания участи незаконно лишиться внутренней части своего тела – отобрать шитый белыми нитками промокостюм петуха у полноватого молодчика, который под ним скрывался. В птичьем образе раздавая листовки флаера – приглашения на самую популярную дискотеку Анталии. Молодчик сей работал и петушился в фойе зала прилёта. Я мог бы переждать какое-то время в этом приватизированном костюме пока минует опасность. А там кто знает – может и провести остаток жизни неузнанным под красным гребнем.

Поначалу от реализации этого варианта останавливало меня то, что за клювастой маской петуха вполне мог скрываться один из преступной шайки криминального мира скальпеля и сосудистого зажима.

Хотя, когда я трижды срывал с него жёлтую петушиную голову и требовал от круглого лица, больше присущего зажиточному буддисту, признания и раскаяния в содеянных грехах по отбору чужих почек, лицо лишь непонимающе моргало с оттенком раздражения и лопотало что-то на тарабарском. Прикидывается или нет, раздумывал я, в свою очередь прикидывая, возможно ли влезть в этот костюм, не выкидывая этого парня. Соппротивление, что он оказывал, заставило меня рассматривать дополнительные варианты. «Так прикидывается

или нет?» – пытался сообразить я, потерпев фиаско внедрения вторым пассажиром в костюм. Возможно ведь, что я на него просто наговариваю, и он такой же несчастный бедолага, как и я. Наивный дурень, завлечённый на вынужденное свидание со скальпелем обещаниями тёплой жизни, весёлой работы и недурного заработка. Всего навсего несчастный петухобуддист, должно быть, уже лишенный селезёнки. Или ставший однопочечным «идиотом», вынужденный теперь зарабатывать на рисовую похлёбку таким постыдным дешёвым образом, как раздача пригласительных билетов. Так оно скорее всего и было, ведь будучи преступником разве он отважился бы раздражённо-визгливо позвать на помощь служителей правопорядка, тех бравых ребят в форме, дежурящих в зоне прилёта неподалёку. Как он это и проделал, когда я в четвёртый раз попытался сорвать с него скрывающую маску и пощёчинами выяснить, верны ли мои дедуктивные догадки в отношении его персоны. Тем самым и первый вариант отхода с припаданием к ногам российский лётчиков стал трудноосуществим, поскольку мне пришлось срочно ретироваться к выходу из фойе, под заинтересованным вниманием охраны, сопровождаемый гневными воплями петуха, которому я напоследок преподал урок отучения от ябедничества пребольно наступив на ногу. Но насколько мне удалось бегло проверить в моменты попыток отбора костюма – обе почки и селезёнка у молодчика были на месте. В моих навыках пальпации (пальпация (мед.) – метод первичного медицинского осмотра с помощью пальцев, грубо говоря ощупывание) я не сомневался, несмотря на то, что в последние годы использовал я их больше в постельных сценах с участием женских персонажей, нежели на профессиональном поприще. Поэтому загадка этого парня осталась для меня загадкой. Кто он – преступник, сообщник или жертва?

Сняв этот вопрос с повестки дня, я вернулся к размышлениям над своей судьбиной.

Был ещё момент, не столько удерживающий от позорной попытки побега в сторону северно-европейской части России, а затем уж до родного городка, сколько придающий веры в свои силы, даже столкнусь я с ринорейдерами – этими почечными коммивояжёрами, наличие справки о прохождении УЗИ (ультразвуковое исследование). Медицинская справка, напечатанная собственноручно на домашнем принтере и талантливейшим образом – по моему эгоцентричному мнению – иллюстрированная рисунками органов. По иному – скептическому мнению – всё того же вредного друга Кольки, на время спора перестающего быть лучшим другом, а в самых жарких диспутах и вовсе линяющего в стан ненавистного врага, вызывающего всей своей противной белобрысой физиономией желание надавать по ней тапком, рисунки были «так себе» и «ни о чём», да и якобы сама справка, распечатанная на задней стороне поздравительной открытки, смотрелась ненадёжно, недостоверно и неубедительно.

– Да они же турки, Колян. Поверят – как пить дать, – горячо убеждал его я, демонстрируя зачёркнутую на открытке надпись «С Днём рождения!» и полностью закрашенных зелёным фломастером умильных котят с воздушными шариками на лицевой стороне открытки.

С чистой бумагой в тот момент просветления в доме оказалось как-то туго, поэтому печатал на том, что под руку попало:

– Видишь – сама открытка уже недействительна. Ты почитай текст-то какой.

Да, текст – врачебное описание узи-специалиста – был шедеврален, этот факт не мог не признать даже скептик и недовера Колька, ещё не схлопотавший толком тапком. Тот слабый замах я считал недействительным. С таким-то текстом можно было обеспечить себе имя в когорте свято-мучеников или выбить миллионы долларов на пожизненное пребывание в санатории элит-класса у сердобольных, но крайне скупых вдов Луизианы. Умей они, конечно, читать по-русски.

На данной справке, бывшей открытке, с аккуратно подделанной фиолетовым пастиком печатью, значилось, что я обладатель ордена инвалидности наивысшей степени, рассадник редкого печеночного описторхоза, (опистархоз (мед.) – паразитарное заболевание с поражением печени) владетель селезёчно-фолликулярного гиперспленизма (гиперспле-

низм (мед.) – гипертрофия селезёнки) – неясной этиологии, гломерулярного цисто-пиелуретро нефрита в стадии инфильтративного абсцесса... в общем, в эту справку были вложены все те шесть будоражающих диагнозов, которые я сумел вызубрить за долгие годы моего обучения в медицинском университете. Как раз по диагнозу в год.

– А если по-русски турки не смогут прочитать? – не унимался Колька, как мне казалось, с завистью вчитываясь в текст, чтобы запомнить его, переписать на чистый лист и выдавать потомкам за собственное интеллектуальное творение, тянущее минимум как на одного Нобеля и на две городские библиотеки, названные в честь сочинителя.

– Эх ты, дед Уктив. Сюда гляди – рисунки то на что? – с гордостью выхватывая листок из его загибающих рученок, махал у него под носом, стараясь преобидно задеть кончик шнобеля.

Да, рисунки тоже были творением моего проснувшегося гения. Сам Гигар, создатель внушающих трепет и ужас полотен, обзавидовался бы. Свернувшиеся белёсыми колечками черви в разъеденной печени, лишённой привычных очертаний от процессов жирового перерождения. Налитая, как перекаченный мяч с грыжей, вот-вот готовящаяся лопнуть селезёнка, удерживаемая от разрыва паренхимы лишь тоненькими связками гепато-лиенальных (печёночно-селезёночных (мед.) лигантур (*ligantura* (лат.) – связка). Доведенные восходящими и нисходящими инфекциями до отпевально-плачевного состояния, почки, один вид которых вызывал рвотно-писательный рефлекс у обитающего в подъезде беспризорного кота Половика.

– Ну.. не знаю, Сань, – тяжело дыша, продолжал гнуть свою линию вредный друг, после того как наша полушуточная схватка на полу заканчивалась (мне всё же удалось преобидно щёлкнуть его по носу справкой), настороженно косясь на пока ещё обутые в тапки мои стопы. – А ежели мозг они у тебя захотят трансплантировать? Эта справка от похищения мозга не отмажет.

– Ты чего? Мозг ведь не трансплантируют, – рассмеялся я несколько наигранно, поскольку сам тоже был в запыхавшемся состоянии после силовой возни, да и сомнение в своих словах при виде ухмылки псевдоинтеллектуала Коляна, начинало просачиваться через призму шестилетнего профобучения. Как то не мог я сразу без листания справочников или яндекса всемогущего логически обосновать, возможна ли такая операция или нет:

– Ваще-то, кто из нас в медицинском учился? Ты или я? Я знаешь, сколько стульев в библиотеке ягодичными мышцами протёр, а сколько лаптей поизносил по этим библиотекам хаживая, а через сколько сессий прошёл.. Да во мне знаний больше чем..чем, чем в твоём мозгохранилище на пару порядков.

– Но мозг это же тоже орган, насколько я понимаю, почему бы и его не пересаживать?

– Вот заладил – орган, орган. Тело человека это тебе, Колич, не грядка, которую можно пропалывать и в которую можно пересаживать всё что вздумается. Тело человека это *сogrus hominis!* – важно изрёк я, сам себе подивившись, – Это у тебя мозг – орган, который можно взять и отчеккрыжить. А у меня – высший мыслительный центр, без которого никуда. Мой мозг не трансплантируется и баста! – давил я своим авторитетом, про себя решая, не пора ли уже переходить на тапки и чистить физию ухмыляющемуся оппоненту.

Хм. Но зерно сомнения было посеяно и готово давать всходы. После ухода приятеля, ухода – перешедшего в поспешное бегство под угрозой тапочной расправы с моей стороны, пришлось состряпать ещё отдельную справку «УЗИ *cerebrum capitis*» (узи мозга (лат.)). Мои скромные познания в медицине и диплом юного врача натуралиста не позволяли с абсолютной достоверностью утверждать, что подобная справка имеет место быть в природе или в департаменте здравоохранения, так как я запомнил, применяется ли ультразвуковое исследование мозга или делается рентген. Но затем, распив чашку детского какао, покумекал, что турки, не должны разбираться в медицине больше моего, и вот справка была готова. Вид достоверно перерисованных с атласа по патанатомии эпидуральных гематом, излияний в арахноидальную

(паутинную (лат.) оболочку мозга и некрозов серого вещества, также вызвал рвотно-писательные рефлексy у представителя семейства подъездно-кошачьих, что меня маленько, но успокаивало в надёжности документа.

Теперь, уважаемый читатель, уже заблаговременно ознакомленный с аннотацией (с предварительным описанием к книге), должно быть озадачился, при чём собственно здесь вся эта кутерьма с расхитителями почек, липованием справок и прочей вакханалией, запутывающей сюжет истории и уже подумываешь, а не стоит ли обратить свой пытливый взор в сторону произведений других авторов, взяться за третье прочитывание антологии Донцовой, освежить в памяти Ницше, стряхнуть пыль с томиков собраний сочинений Ленина или же просто сходить до киоска за сканвордом. Попробую прояснить ситуацию и удержать тебя от столь поспешного прощания с моим творчеством, о дорогой читатель.

Мысленно возвратимся из моего городка, где происходили оживлённые диспуты с приятелем Колькой, стряпание медицинских документов, эксперименты на подопытных животных семейства кошачьих с последующим затиранием лестничной клетки, на залитую янычарским солнцем площадь перед зданием авиавокзала.

Главная моя забота на тот момент ожидания, когда я с грустью следил за развесёлыми недавними попутчиками по воздушному перелёту, предвкушающими беззаботный отдых, сопровождаемыми говорливыми лучезарными гидами в туристические икарусы и раскрашенные туристическими лозунгами пазики, была одна.

Я находился в чужом царстве-государстве, в тысячах километрах от дома, без каких-либо гарантий, что вот сейчас всё разрешится как в хэппиэндовом кинофильме, не имея при себе особых средств для выживания, а всего лишь сумку с футболками, плавками и электробритвой, да сотню долларов наличными. Не стоит объяснять всеведущему читателю, что этой суммы явно не хватает на авиабилет обратно, возникни здесь какие-либо трудности. А трудности уже возникали, так как прошло минут 20-ть моего пребывания в аэропорту, а меня никто не встречал. Охрана аэропорта с подозрением наблюдала за мной через стекло вестибюля. Да и солнце начинало припекать по-взрослому, подготавливая почву для теплового удара. Кроме того, как я успел убедиться методом горизонтального саморазмещения – скамейки на улице были неудобны в плане затяжных ночёвок. Реши я сейчас вот так вот с бухты-барахты вернуться домой, в Архангельск, задача оказалась бы непосильно-проблематичной, и помощи в её разрешении ждать было неоткуда. Разве что добрый дядя Конюхов согласился бы подбросить до Москвы ввиду земляческих чувств. Но шанс встретить знаменитого бородатого путешественника в аэропорту Анталии приравнивался мною к отрицательному числу в энной степени, да и в земляческих чувствах по отношению к своей персоне, я несколько сомневался.

Нет, вы не подумайте, конечно, я не такой сказочный Иванушка с мозгами набекрень и шилом, воткнутым не туда, чтобы всего с сотней долларов и набором плавок, ехать на заработок в другую страну, не имея на руках ни договора, ни контракта, ни даже адреса нанимающей фирмы. Совсем я, что ли, герой одноимённого произведения Достоевского?.. Молчите?.. Так и думаете?.. Да ладно.., вы что?

Ну хорошо, раскололи, признаюсь, может я и погорячился опровергать свою родословную преемственную связь с Иванушкой-дурачком, так как ни договора, ни контракта и атрибутов работодателя действительно у меня не было. Только номер сотового телефона и позывное имя – Натали. Колька – основатель белобрысого скептицизма, высказывал своё никчемное мнение, что этого как-то маловато для гарантий стабильности трудоустройства, но он меня несколько раз уже разозлил завистливым отношением к моим творческим способностям при создании медицинских справок, что к его остальным мнениям я уже не прислушивался. Тем более что перед посадкой в самолёт, денег у меня было трёхкратно больше, что в сумме с оставшейся сотней, в случае форс-мажорных неожиданностей, которые старательно накаркивало воображение, как раз хватило бы на обратный авиаперелёт.

Ты недоумеваешь, о прозорливый, умеющий вести арифметические подсчёты, куда же делась большая часть наличности? Да, пустяки, совершенно пустячный случай, не заслуживающий пристального внимания. С кем не бывает. Ты всё-таки хочешь знать? Та – ерунда, какнибудь потом, в другой книге, в другой истории уже не про себя...

Так вот, я стоял под палящим солнцем у здания аэропорта и ждал риноредеров..

Да, подожди ты, не дуйся... Ну хорошо, уговорил, пусть эта история с баксами лучше сплывёт из моих уст, чем с приукрашенными и уничижающими подробностями от злопыхателей. Да, я слаб и смертен и поддался соблазну зайти в московский дьюти фри перед посадкой на рейс Москва-Анталья. Наслушался историй от якобы опытного псевдопутешественника Кольки, пудовый типун ему на дерзновенный язык, о дешевых фирменных товарах и решил проверить сей факт собственноручно.

К алкоголю, за время частых разудалых студенческих вечеринок с неизменными атрибутами ночных позывов желудка и утренними разломами головы, у меня уже сформировался иммунитет редкого потребителя, поэтому я зашёл в отдел сувениров и аксессуаров. Заинтересовавшись одной из пар солнцезащитных очков, примерил. Хм, ничего так, довольно модняво. Поинтересовался у материализовавшейся из воздуха услужливой и оболъстительной дамочки модельных пропорций, в белой скромных пропорций блузе и соблазнительно обтягивающей бёдра юбке-карандаше, о цене сих тёмных стёклышек.

– Эти – триста, – услышал в ответ.

Ну, думаю, не так и дорого. В нашем провинциальном городе на уличных витринах за двести рублей пластмассу царпанную продают, а здесь фирменный «Ray-Ban» всего то на сто рублей дороже. И сидят отлично – сразу видно – клёвый парень в стильных очках, может даже, на киногероя из боевика похож. Я ещё раз примерил очки, дабы, бесстыдно спрятавшись за затемнёнными линзами, оценить прелести грудного отдела юной барышни, частично прикрытые рюшками блузки. Девушка с обожанием смотрела на меня, словно поклонница на бредового Пита.

– Вам так идёт, – искренне заявила она, готовая уже пойти, если не под венец, то точно возлечь на брачное ложе с таким крутым мачо. Вот что читалось в её взгляде и в позе, которую она приняла, опёршись о прилавок.

– Буду брать, – сказал я, не чувствуя подвоха алчности в этом любвеобильном взгляде.

Следующая фраза, идущая из чувственных девичьих губ, настигла меня в момент вытаскивания бумажника из заднего кармана и заставила насторожиться, а потом внутренне ёкнуть, словно где-то в закромах сердца разбилось сырое куриное яйцо.

– Расплатитесь в долларах или евро? У нас курс 1 к 3.

После беглого обдумывания фразы, с подключением аналитических, логических и эвристических систем, настороженность организма, сменилась предвалидным состоянием. Так не 300 рублей, а 300 долларов?!?! Дальше мозг в режиме стоп-кадров выдал сумбурные картины ядерного апокалипсиса, начало и середину третьей мировой с видениями траншей и брустверов, заваленных подкопчёнными людскими останками, полотна абстракционистов 18 века, рисовавших агрессивно панической красно-жёлтой палитрой, и какофонию дисгармонирующих звуков заката вселенной на фоне, продолжающегося исполнять сольную партию, сердечного еканья, с посекундным сбрасыванием сырых яиц в качестве авиаударов.

Но вызов судьбы был уже брошен и принят. Не мог же я отречься от своих слов «буду брать». Не по-нашенски так поступать, не в соответствии с благородно-принципиальным регламентом рыцарского поведения. Айвенго сказал, Айвенго сделал, чёрт побери.

А сам Айвенго уже как-то отстранённо глядел на красивое, но уже с примесью какого буржуйского-имперского материализма, лицо барышни-спекулянтки. Словно незадачливый игрок, поставивший всё до последней нитки и искусственного глаза на красное и лишившийся всех эмоций при виде картины серебристого шарика на чёрном фоне. Какой там Бред Пит –

кура с золотыми яйцами, околпаченный Буратино, подстриженный под ноль Чипполино, вот кто я для неё. Пару недель, небось, теперь сможет не работать, получив комиссионные от продажи глазных стёклышек. Заманчивые очертания упругих полукружий уже перестали будоражить рыцарское воображение, и я подрасстроился, прожигая себя обидными словами изнутри, что как простак соблазнился этой, наверняка, силиконовой приманкой.

Уже почти отчётливо слышал презрительные фразы: «Фи, деревня. Понаедут тут, голь перекатная, из Мухосранска. Девочки, все сюда! Посмотрите на этого чудилу. Такой отстой, 300 баксов зажал, фу...» и презрительное фырканье за спиной, если я вот так положу очки обратно на стенд и скромно удалюсь. И даже гордо-понуренная осанка интеллигентно-рабочего класса, чья месячная зарплата укладывается в сумму этих очков, не поможет мне избежать долгих пересудов за прилавком: «Ну и деревня, обалдеть! Очки „Ray-Ban“ за триста рублей захотел, это ж надо? Я в шоке. А на вид то вроде приличный парень, даже на кинозвезду сначала показался похож. Понаехали тут, стыдоба. А ещё говорит, главное – „буду брать“. Ха, девчонки представляете. Буду брать, мол. Да тебе только грибы в лесу брать, чудило деревенское и то не дадут. Совсем уморил. „Ray-Ban“ за триста рэ. Сейчас я своему зае позвоню, он обсмеётся».

Эх ты, Колька, тапки по тебе плачут – «дешёвые товары в дьюти фри». Очень дешёвые, ага, вообще задарма, млин, тока баксы готовь. Удружил, ничего не скажешь. Придётся искать себе новых друзей по возвращении домой, менее склонных к безудержной фантазии.

Не знаю, отражались ли текущие эмоции и мысли на моем лице, поскольку мне показалось, что губы белокурой, ухоженной, от блестящей чёлки до зеркального маникюра, красотишки начинают уже пренебрежительно кривиться, и я поспешно пробормотал:

– В долларах...

И тут же столкнулся с очередной проблемой. Дело в том, что все доллары, дабы обезопасить их от злоумышленных посягательств мошенников-казнокрадов в поезде «Архангельск-Москва», на котором я сутки добирался из родного города до вотчины Кремля, были помещены в левый карман джинсов. Он же был предусмотрительно зашит, дабы мошенники-казнокрады, не обладающие навыками фокусников, воздержались от попыток уголовной незаметной приватизации денежной суммы. И возможно, само провидение в виде зашитого кармана, сейчас подсказывало мне воздержаться от этой неразумной покупки, но шизофреническое упрямство претендента на роль Айвенго уже всё решило за меня.

– А у вас ножниц не будет?

Удивлённая таким вопросом, девица стрельнула глазками в сторону типа в пиджаке, выполняющего роль охранника, не в силах предугадать, для чего мне понадобились ножницы. Может я затеял ограбление века, решил взять её в заложницы или вообще зашёл в отдел, так между случаем вены себе перерезать или продемонстрировать мастерство факира, заглотив колюще-режущий предмет. Но, не выдав ничем своего интереса таким вопросом, довольная тем, что покупатель всё же, видимо, заглотнул наживку, продавщица-сноб, по мнению которой очки «за триста баксов!» может купить любой кабальеро, и не обязательно полный идиотос, извлекла из-под прилавка дамский маникюрный набор.

Выступая невольным свидетелем и прямым действующим лицом процесса, во время которого ножницы хирургически оперативно и безжалостно вспарывали нити, отделявшие мои пальцы от импортных купюр, я ощущал весь мировой стыд провинциала, оказавшегося нагишом под безжалостными объективами столичных объективов. И то, что очевидцев было двое, продавщица и охранник, не уменьшало порцию испытанного позора. Ведь будут пересуды в подсобке за чаем: «Девочки, представляете, этот олух, который вначале показался похожим на кинозвезду, деньги в карман брюк зашил. Я в шоке! Обалдеть! И ладно бы – деньги! Так – мелочишку, сдачу в ресторане – жалкие 300 баксов. Вот стыдоба деревенская. Это же надо, вот смех-то. Не, сейчас своему зае позвоню, он описается, как услышит».

Эх, надо было не как Айвенго поступить, никто бы из знакомых и не узнал. Зато сам рыцарь при деньгах бы остался.

«Хорошо, хоть не в задний карман зашил. А то, чтобы отпороть, джинсы пришлось бы снимать. Или, что ещё ужасней, в одетые носки не спрятал, или в трусы зачихал. А ведь некоторые вообще незаконную валюту в прямой кишке провозят», – так неумело пытался диспетчер сознания меня подбодрить.

Но весь ужас расставания с потно-и-кровно-заработанными пришёл уже в салоне, самолёта, набравшего высоту. И дело было вовсе скажем не в сумме потери, которая, пусть по моим провинциальным мерилам, даже для сверхмодных очков была неприлично – да что там «неприлично» – заоблачно-космически завышена. А ужас в оставшейся сотне долларов, которой мне хватит проскитаться на чужбине на подножном корме, в случае неприятностей с работодателем, не более недели. А что дальше? На что есть, пить, не зная ни языка, ни самой страны, не имея рабочих навыков гастарбайтера. Красть пирожки из буфета вблизи авиакабсы, принимать душ в уборной аэропорта, учиться использовать картон и газеты в качестве постельных принадлежностей?

Я уже представлял мрачные картины ночных игр в прятки с безжалостной полицией, ночёвки на жёстких скамьях турецких вокзалов, прощальные sms-ки домой из лесных убежищ, с горных перевалов, бегство и последующий плен в банде органо-вредителей. Но постепенно, с каждым новым глотком коньяка, предложенного стюардессой, принявшей меня за респектабельного туриста в моих-то «Ray-Van», природный оптимизм, присущий героям и дурачкам, взял вверх. И к моменту посадки в Анталии я вновь стал прежним покорителем неизведанного, пионером далёких земель, Колумбом из Архангельска.

В настоящий момент Турция уже перестала быть для меня просто белым пятном на карте и великий португальский мореплаватель, сделавший открытия под испанским флагом преобразовался в литературного персонажа, вышедшего из-под пера Даниэля Дефо. Зорким глазом Робинзона я наметил первоначальный провиант в качестве мирно разгуливающих голубиных тушек, не подозревающих о нависшей над ними угрозе. На первые дни халявного птичьего мяса должно хватить, не известно только как отнесутся к такому нецивилизованному пиршеству служители аэропорта, но когда начнутся муки истинного голода, подобные вопросы перестанут меня волновать.

До встречи с некоей Натали, оставалось, судя по пришедшей ответной sms-ке, не меньше часа, поэтому, пристроив багаж на скамейку, я всматривался в расстилавшийся вдаль просторный пейзаж и пытался представить, что меня ждёт в ближайшем будущем.

О Турции я знал немного. Османская империя, усатые янычары, кривые сабли, кинжалы, головные уборы фески и жилетки на голое тело, русско-турецкие войны на суше и на море – мои скудные исторические сведения не давали о загадочном востоке полной картины. Да что там, этими познаниями не накормить даже школьного второгодника. Но сам я, отчасти, уже с детства являлся турецкоподанным. Так во всяком случае утверждала моя мама, когда я делал что-то по своему, не так как принято у взрослых. А по своему я делал почти всё.

– Саша, ты опять всё делаешь по-турецки, – повторяла она, когда я был ещё маленьким.

Это была основная причина моих частых простоев в углу комнаты за провинности. Страдал за подверженность чужому менталитету. Страдали и обои, которые я нещадно слюнявил, прижавшись промокшим от рёва и обиды носом. А выходило, что турки, как и я, сначала едят шоколад потом пельмени, естественно пельмени уже не норовят покинуть тарелку и вываливаются в помойное ведро, будучи недоеденными. Гвозди турки заколачивают кедами, пробивая в подошве дырку. Домашние цветы поливают под кухонным краном, причём струёй помощнее, что отнюдь не сказывается благоприятно на их цветении. Уши моют исключительно понарошку, а игры с кошками превращаются в мельницу с использованием хвоста как механизм быстрой раскрутки. Носясь во дворе в футбол, турки обязательно приходят домой грязными

как свинтусы и в рваной одежде, тем более если задания гонять в футбол никто не получал, напротив было велено подождать пять минут на улице и потом идти в гости или фотографироваться. Выпросив в подарок игрушечную машинку, турки тут же разбирают её из любопытства и так и оставляют набором деталек. Безошибочно определив без градусника температуру тела 55 и 8 « у меня по Цельскому, ма, чесна», обязательно лечатся вареньем и конфетами, а домашние уроки делают утром, уже по дороге в школу, и то не каждый день. То есть уже в детстве, моё подсознание догадывалось, какое путешествие в расцветно-сильном возрасте мне предстоит и интуитивно готовило меня к этой жизни в средиземье. Жаль, что ни я, ни бедные обои об этом не догадывались, иначе переживаний по поводу своего неадекватного поведения было бы меньше.

Заморское солнце по-летнему припекало, небо было чистым как водная гладь, и я отважился придать себе более загорелый и товарный вид перед встречей с работодателем. Снял, уже начавшую увлажняться под воздействием влажного морского климата футболку.

Ослабил ремень, приспустив джинсы на низ живота, чтобы любой посторонний взор мог убедиться в наличии у меня всех кубиков и квадратиков брюшного пресса, (те из них, которые никак не хотели выделяться, я дополнительно обвёл фломастером) и разглядывал бесперебойный конвейер туристов, покидающих зону аэропорта, препровождаемых заботливыми гидами, а иногда симпатичными гидшами или гидуньями в автобусы.

– А я аниматор! Может буду в вашем отеле работать, – хотелось гордо объявить им всем. И потеющим дядькам в вышедших из моды гавайских рубашках, утирающим лбы. И полным тёткам, ревностно следившим, чтобы они – эти вредные потеющие дядьки, наспиритовавшиеся уже на подлёте – не отбили все колёсики у чемодана о брусчатку. И молодым щебечущим подружкам, подставляющим ладони под солнечные лучи. И парочкам разной степени влюблённости и молодости, направлявшимся на посадку в доотельный транспорт. Сказануть эту кратко-ёмкую речь им всем, этим пижонам, предвкушающим дни безделья и отдыха, чтобы они с уважением посмотрели на такого отважного парня, приехавшего с загадочной и непонятной, но оттого не менее важной, миссией с далёкого предалёкого предполярного севера, вот на такого бравого парня даже уже сумевшего разучить пару слов по-турецки.

Но и своих эмоций и первых впечатлений у них вполне хватало, чтобы ещё обращать внимание на какого-то простака, пусть даже в модных очках за 300 долларов. «Надо же – за 300! баксов очки, употеть мне на этом самом месте», – в очередной раз укорил себя. А шествующие с поклажей пижоны обращали на меня ноль внимания и ладно – я за это на них не обижался, первые-то пару минут. Но потом рассудил, что их будущее было уже предрешено, лазурно и безмятежно, моё же пока скрывалось в пелене сумрака и неизвестности, поэтому доселе незнакомое мне чувство зависти примешивалось к моему наблюдению. И чем дольше я тут одиноко торчал, тем больше подвергались обсуждению во внутренней диспетчерской злокозненные планы о нападении на одного из туристов, затаскивании его куда-нибудь за угол и заёме его местечка в автобусе и под солнцем. Какие-то повадки львиного охотника, выслеживающего слабую особь из тучного стада антилоп, начинали овладевать мною. Но чувствуя на себе настояжённые взгляды охранников из вестибюля, так некстати наведённые на меня петушиным промоутером, сдерживали меня от такого рискованного шага нападения на туриста. Поэтому я постарался не глазеть на счастливые лица, поющие затылки, танцующие походки и предался отвлечённым размышлениям, периодически пытаюсь завязать дружеские контакты с голубями, чтобы потом легче было их отлавливать.

О своей будущей работе я знал немногим больше чем о стране, в которой очутился. Вводных данных, почерпнутых с российских инет-форумов было не ахти. Не каждый пьющий шампанское разведчик согласился бы с таким кладезем, вернее шкатулочной значкой знаний отправляться на агентурное задание.

Итак, я аниматор, моё новое поприще – сфера отельной анимации. Это сейчас – слово на слуху, довольно раскрученное благодаря средствам массовой информации. А в своё время, как и многие жители России, не выезжавшие за необъятные пределы родины, я считал, что анимация связана исключительно с мультипликационной деятельностью, когда результаты труда художника-аниматора воплощаются в оживающий рисунок на экране. Но то, что молодое поколение в роли массовиков-затейников может работать на курортах зарубежных стран, проводить время занимаясь спортом, развлекая и всячески дурачась с отдыхающим в отелях людом, получать за этот род деятельности деньги и именоваться аниматорами, я узнал совсем недавно, месяц назад, во время отпуска в Египте. Наблюдение со стороны, а подчас и изнутри, за коллективом веселой анимационной команды из Румынии и стало тем поворотным рубежом, а затем и теми семимильными шагами и воздушным перелётом, приведшим меня в другое государство. Сиё действо ознаменовало окончание моей головодурительной и многототообещающей карьеры в должности второго помощника первого заместителя исполняющего должность младшего менеджера по логистическому контролю в фармацевтической кампании, где я впахивал после закономерного окончания медицинского института.

Появившись на набившей оскомину работе уже после отпуска в стране фараонов в первый же суетный день, я с удивлением обнаружил как загорелая правая рука, мне принадлежащая, строчит заявление на листе формата А4 о собственном желании. Что это за желание, складывающееся в одно предложение, я узнал ближе непосредственно в кабинете начальства, куда мои загорелые ноги принесли этот и на четверть пространства неисписанный лист, начинающийся словами «прошу меня..». И в течение двух законодательно-обусловленных недель труда моя правая рука, покоясь на компьютерной мышке, уже в связке со второй левой клавиатурной конечностью, помогала глазам рыскать по экрану монитора в поисках сведений о новой работе, радужные перспективы которой пока генерировались лишь исключительной силой фантазии мозга. Успевая скрывать содержимое монитора от взора своего начальства, я лихорадочно обрабатывал полученные данные, то внутренне ликую о предстоящей революции в образе жизни, то наружно взмокая от смутных подозрений.

Первая тревожная лампочка в моей голове зажглась, когда я узнал о том, что оказывается в анимации, многое зависит от шефа этой самой анимации. Заглавная фигура – Шеф, он же босс, он же олицетворение начальственных сил. Который (в силу приобретённых травм, например частых падений головой вниз, или врождённых причин, обусловленных неправильным предлежанием плода во внутриутробном периоде, вследствие которого его пришлось силком тащить из чрева матери) может являться страшным деспотом, неправомочным тираном или убогим психом, посаженным на лошадиные приёмы глицина и настойку пиона успокоительного. А может быть и просто дебилом, зажимающим и присваивающим законную зарплату (таких очевидцев событий набиралось 70%), заставляя работать до 9-го пота (оказывается 7-ой это ещё не предел), 27 часов в сутки (такие природные сбои во временном перераспределении бывали у 18%). Шеф может строить козни – вышвыривая подопечных из отеля на улицу без денег, имущества и паспорта. Процентом 30 – судя по данным тем же форумов, испытали на себе это сомнительное для непосвященных, да впрочем и для посвящённой категории, удовольствие. А также может извращённо помогать и делать попытки физического бесчестия – об этом в своей истории писала каждая девушка-аниматор, считающая себя привлекательной, то есть все 100% девчонок.

Тщательно убедившись в наличии у себя мужской у-хромосомы по всем 7 признакам, одним из которых стало отращивание недельной бороды, я втихую порадовался, что хоть последнее, то бишь попытка изнасилования шефом, мне не грозит. Но всё же тревожная лампочка зажглась, колокольчик прозвенел, и что-то зашуршало на домашних антресолях, заставив призадуматься, а всё ли так безоблачно и перспективно, не прохудилась ли кровля в датском королевстве.

Но на другой чаше весов находились и полные неподдельного восторга отзывы. Они то и остановили меня от попятного шага – возвращения к своей головосломительной, слюноотзарплатапускающей сверхрутинной карьере безызвестного винтика в шестерёнке фармацевтического снабжения страны и граждан дорогостоящими лекарствами и бадами, которые лекарствами не являются.

«Натаха, здесь нереальна! Ачуметь!!! Ааааааа! Как всё классно-шоколадно! Можно купаться ночью в море, днём в бассейне, а ночью снова в море. Шопиться в дешёвых, но модных магазинчиках в выходные. Обедаться наравне, а иногда и обедая туристов, на поприще шведского стола, пить свежие соки, спиртные напитки, курить кальян, получать за всё это зарплату. Танцевать и зажигать на дискотеке – не поверишь, это часть работы! Ааааааа! Условия вообще супер, свой пляжный домик на нескольких человек! Лови слюну, это настоящий рай для лентяев, тунеядцев, клоунов и приколистов, которые создают команду и тусят вместе». Вообще-то само послание выглядело так: «ААААААА! Супееееер! АААААААААА!». Но я подобрал к нему нужный шифр, перечитав второй том собрания сочинений Конан-Дойля о похождениях английского сыщика, и вот таким оно получилось после обработки.

Тут я подумал, что быть предводителем или даже рядовым членом команды клоунов и лоботрясов, подарочек ещё тот, и от этой мысли зажглась вторая сигнальная лампочка, тренькнул колокольчик, а с антресолей упали лыжи. Я в задумчивости пощипал поросль нескошенной бороды, водрузил лыжи обратно, но ехать за счастьем не передумал.

Статистически, в процентном соотношении, таких восторженно-инфантильных мнений, от которых за версту несло гарью оплавленных дужек розовых очков, мнений, призванных воспламенить глаза, раскатывать губы, слюнявить заросший недельной щетиной подбородок и тщательно выбирать в спортивном отделе магазина плавки, было мало. Единицы, а может быть и вовсе одно. Но, тем не менее, именно ему хотелось верить. Именно его я распечатал, трижды отксерил, начисто переписал справа налево и индонезийским способом снизу вверх по диагонали, чтобы надёжнее отложилось в памяти, и протяжно читал вслух перед сном в течение 2-ух недель трудового томления перед освобождением из мест свершения работы вместо вечерней молитвы.

Самого работодателя я нашёл быстро. Отсеяв предложения, где требовалось выслать деньги, паспорт, узи внутренних органов, немного еды и питья, и «фатаграфии, вах, ну всех симпатичных тёлочек с баалишыми этыми, вах..», я вышел на фирму «Natur Entertainment». Начальницей являлась рекомая Натали, родившаяся ещё при советском союзе. В прошлом цирковая артистка, во время заморских гастролей познакомившаяся с турецко-поданным, таким же подкупольным артистом. Затем переехала в Турцию уже без цирка и советских клоунов, и осела в этой средиземноморской стране пахлавы и рахат-лукума.

Вместе с уже мужем они основали частную анимационную контору. И выполняли роль посредника между; с одной стороны, турецкими отелями 4-ёх звездочного сервиса и выше, нуждающимися в русско-говорящих массовиках-затейниках. Отели были заинтересованы в веселых жизнерадостных спортсменах с хорошим знанием иностранных языков, общительных танцорах-трудогилах. Отели испытывали потребности в артистах-человеколюбях без вредных привычек и просто в разудалых привлекательных молодых Иванушках и Алёнушках, способных выполнять любую работу по развлечению гостей и принесению прибыли хозяевам отельного бизнеса.

Такие требования предъявляли владельцы отелей к претендентам на звание аниматоров. Но возникала дилемма, свойственная нашему двойственному миру. Поскольку с другой стороны посреднических баррикад находились соискатели на должность аниматора, «слегка» отклоняющиеся от искомым характеристик: это и безыдейные выпивающие тунеядцы, и наглые лодыри-кураги, и мечтательные, необременённые жизненными коллизиями романтики, и никчёмные бездельники, косящие от армии, а также бездетные нимфоманки, и небольшая

армия девчонок, желающих выйти удачно замуж за иностранца. Понятно, что все эти соискатели позиционировали самих себя как того требовали работодатели – творческими трудолюбивыми и спортивными позитивнофилами, скрывая до поры свои истинные намерения: валяться на песочке день деньской попой кверху со стакашкой холодного пивасика рядом, омываясь волнами средиземного моря под музыку в стиле регги или ямайского блюза. Подробности такого несоответствия выяснились уже на месте. Тем не менее, бизнес приносил прибыль, и владельцы отелей довольствовались поставляемым материалом, отбраковывая только совсем ни на что не годных паралитиков и душевнобольных из общей массы молодых да ранних.

Понятное дело, я относил себя к мечтательным романтикам – homo romanticus. Жажда приключений, душевное обезвоживание от нехватки которых усиливалось после каждого повторного прочтения Жюль Верна, Фенимора Купера и Даниэля Дефо вкупе с Эдгаром Берроузом, медленно, но верно, с детства, подтачивала краеугольные основы вдалбливаемого старшим поколением практического мироздания о постройке дома, посадке дерева, возвращении сына, а также периодической привязкой к функции хлебоноса и мусоровыносителя. Эта постоянная жажда требовала восстать из-под гнёта родительской опеки и совершить что-нибудь безумное, шальное, достойное литературного героя без страха, страховки и упрёка.

Но вернёмся к нашей истории, не без баранов. Переписка из дома с агентством Натали «Natur Entertainment» шла продуктивно.

Вначале, по запросу Натали, я отправил несколько, выставяющих меня в лучшем свете, фотографий. Естественно, те «чудесные портреты» на которых я исторгал содержимое желудка на автобусной остановке после студенческой пьянки, или где потерял плавки во время банно-водочной церемонии на базе отдыха «Вигвам», или где спал в обнимку с помойным ведром, пребывая в алкогольном делириуме, остались в моём загорелом для анкет другого плана. Поэтому первый тест – визуальный контроль – я прошёл. Далее я познал официальное определение аниматора.

«**Аниматор** – человек, в обязанности которого входит организация досуга отдыхающих: подвижные игры на открытом воздухе в течение дня, проведение интересных конкурсов, вечеринки различного рода, шоу и вечерних дискотек. Шейпинг и аэробика у бассейна, занятия фитнесом и подводным плаванием с отдыхающими, аквааэробика и другие виды спорта относятся к сфере деятельности аниматора».

В определении мне всё тоже понравилось, я полюбил его и будущую профессию. Поэтому к моей ежевечерней молитве добавилось ещё одно предложение. Меня несколько смущали только слова шейпинг, аэробика и аквааэробика. Это вынудило меня внимательно изучить видеокассету «Стройное тело, плоский живот, упругие ягодички», найденную в закромах маминной тумбочки и даже провести несколько дней, соревнуясь с видео-тетеньками в ритмичной прокачке мышц живота, бедёр и всего остального. К концу второй недели я уже мог спортивно шагать, а на счёт 3—4 поднимать руки. Да, там было ещё множество более сложных упражнений, до которых я не успел дойти. Но и таким скромным результатам в сфере аэробики я не огорчился, так как считал, что залог ритмики и успеха тетенок с кассеты в облегающем закрытом купальнике и полосатых гольфах, коими я не располагал. Основы я заложил, остальное дело импровизации.

Вы не подумайте, начальная спортивная подготовка у меня была. Я умел резво бегать за трамваем и от гопников. Был знаком по видеопрокату с Брюс Ли, Чаком Норрисом и Ван Дамом и мог отрабатывать ударную технику на тех, кого теоретически превосходил по силе в пять и больше раз. Дачную сотку я ритмично безмозольно вскапывал за пару часов. А однажды даже участвовал в танцевально-хореографической постановке «Снежная королева», где у меня была 50-ти секундная роль мальчика, бросающего снежки. Но вот руководить группой горящих желанием размяться туристов и демонстрировать им упражнения мне доселе не доводилось.

Натали я заверил, что в этом плане всё окей, перечислив все спортивные секции, которые я посещал. А список был немаленький. Начиная от лёгкой атлетики, классической борьбы и плавания, до футбола и тэквондо, через настольный теннис, рукопашный бой и кружок творческой лепки из пластилина. Уточнять, как именно я посещал эти секции и как долго, я почему-то не стал. То есть, я знаю почему и эта причина меня бы не украсила и обволокла бы мою кандидатуру шлейфом сомнения в великом спортивном наследии. На примере секции настольного тенниса, с вами, уважаемый читатель, этим секретом я поделюсь.

В один прекрасный зимний день мама познакомила меня с усатым представительным тренером из кружка и ушла, оставив в огромном зале дворца пионеров с множеством столов, за которыми отчаянно рубились между собой пацанята, хыками и гыками гоня друг друга невесомые шарики. Тренер совсем как-то неторжественно вручил мне затёртую ракетку и теннисный шарик, указав на самый дальний и тёмный угол зала со словами «Набьёшь сто раз подряд, пацан, подойдёшь ко мне, а там посмотрим». Предполагал ли он, этот представительный усач, повидавший должно быть всякое, что мне, 10-летнему мальчишке, удастся за две минуты изломать и потерять ракетку и раздавить свой шарик и шарик паренька, который набивал свою сотню в соседнем углу, подрасться с этим пареньком, довести его до слез и незаметно убежать из зала, я не знал. И возвращаться обратно, выяснять у тренера, была ли это запланированная часть спортивного обучения, просто побоялся. А маме сказал, что настольный теннис это для слабаков, не по-индейски и скучно.

Примерно так же обстояли дела с другими секциями. Дольше всего я задержался в художественной лепке из пластилина. Но тот факт, что он не вкусный, здорово меня огорчал. А так как на первых порах нас учили лепить исключительно фрукты, то я быстро разочаровался в таком самообмане и покинул кружок.

Далее Натали выслала примерный распорядок рабочего дня аниматора:

Завтрак

9.30 – митинг (обсуждается программа на день и вечер)

10.00 – начало утренней анимационной программы

12.30 – окончание утренней анимационной программы

Обед

15.00 – начало дневной анимационной программы

17.00 – окончание дневной анимационной программы

Отдых

19.00 – извещение гостей отеля о предстоящих вечером мероприятиях (стоя возле дверей в ресторан и оповещая каждого пришедшего на ужин. Участвуют не все аниматоры, расписывается очередь (обычно периодичность в 3 дня один раз).

Ужин

20.00 – подготовка материала к вечернему шоу (также существует очередность)

21.00 – мини диско (танцы для детей)

21.30 – начало вечерней программы

24.00 – окончание рабочего дня аниматора.

В распорядке мне тоже всё понравилось, особенно места, которые я выделил жирным шрифтом про завтрак, обед, ужин и отдых.

Я дополнительно обвёл их кружочками ярким румяным маркером и повесил распорядок над письменным столом, возле молитвы. В выходные я попробовал прожить согласно этому расписанию, и ни по завтраку, ни по обеду с ужином и тем более отдыху, временных нарушений не возникло, и на антресолях лежала лыжная тишина. Этот тренинг-тест укрепил мою уверенность в правильности выбора новой работы и собственной профпригодности.

Но не все окружающие, кстати, разделяли мой оптимизм.

В лагере повстанцев находился скептик Кольки, которого я, к концу второй недели подготовки, уже превосходил по знанию турецкого языка на 6 слов. Ровно, как и служащих фармацевтической кампании, причисливших меня к карьерному инвалиду, ушедшего в неизвестность с оплачиваемой работы, где вдобавок к премии выдавали халявный глицин и просроченную но-шпу. Но Колька понятное дело почему противился. Где ещё найдёшь такого пивного компаньона, согласного выслушивать его бред по любому информационному поводу. Но нашлись и родственники, также не пребывающие в восторге от смены деятельности одного из составляющих слово семья. Одной мамы с её провидческими вздохами хватило, чтобы мотивировать меня на покупку берушей и тщательного шпаклевания ватой дверного проёма, ведущего в мою комнату. Да что там, друзья и родственники, если даже пожилые кондуктора в автобусе, как мне казалось, смотрели на меня осуждающе, и осуждение это проявлялось в полной горсти мелочи, всучиваемой мне на сдачу, олицетворяющей пренебрежение к моей будущей профессии. Но с этими неприятностями мой мятежный дух играючи справлялся и с каждой такой занозой и после каждой ежевечерней молитвы становился лишь крепче.

Ещё один момент мне не давал полностью расслабиться в ожидании появления Натали, кроме того, что турецкие голуби не проникались доверчивостью к моей персоне.

Когда я ещё находился дома на этапе сбора общей информации о работе аниматорами, заметил на сайтах вакансий, что опытным аниматорам платят несколько больше, чем новичкам. Будучи уже полуторанедельным бородачом, я вычитал что, разница в зарплате может составлять до 200-от зелёных в месяц, если искомый объект обладает хореографической или цирковой подготовкой, умеет проводить огненное шоу и шить карнавальные костюмы.

Поэтому в переписке с Натали, я указал, что работал аниматором в Египте около 2-ух месяцев. А что такого, пронизательный читатель со слоновьей памятью? Почему сразу враньё? Наврал, наврал... Ну приукрасил чуток. Будучи на отдыхе, я же сонно наблюдал с шезлонга аквааэробику, играл с аниматорами в волейбол, видел шарики для бочи и приходил посмотреть вечернее шоу. То есть вольно соприкасался с миром аниматоров. Тем более там мне не платили зарплату. А две недели без зарплаты можно приравнять к 2-ум рабочим месяцам. Это любой адвокат скажет. Если его опохмелить палёной медовухой, конечно.

Да вообще, две недели отдыха или два месяца работы это не столь существенно в наше время покорения космических глубин и бурения океанических скважин, и Натали такими мелочами извещать необязательно. Лишние деньги не помешают. Вот с искусством танца я, может и поторопился в анкете, приписав себе незаслуженные награды и титулы, но ведь не зря в том же Египте с незнакомой полупьяной сударыней мы стали обладателем титула «лучшая пара», выиграв его в танцевальных номинациях. Да, остальные соискатели были не в состоянии стоять на ногах, а тем более плясать. Инклюзивный бар их подкосил. Но это не умоляет наши заслуги. Да и на дискотеки в родном городе я любил хаживать и вовсе не затем, чтобы подпирать там стенку. Но сейчас, когда меня и Натали разделяло полчаса, здравым рассудком я сознавал, что до балеруна или до индийского танцора мне ох как далеко. Плясать, не расплясаться. А вдруг меня попросят исполнить элемент из любимого танцевального номера и что я выдам? Любительскую лезгинку? Техно-поп кунг-фу? Тем более, что без зажигательной музыки я не смогу, поскольку все мои танцы ранее строились на импровизации и славянском разудалом выбрасывании рук, ног и коленей. Да, дела...

– Гуля, гуля, гуля... – приманивал я на таком чисто-турецком свой будущий крылатый перекус, выбирая самого увалистого голубя. На вид ничем от наших русско-провинциальных, близостановочных и подоконных разновидностей они не отличались. Значит и на вкус должны быть также несъедобны. Но ничего, пережужём и это.

Когда меня уже стало размаривать солнце янычар, и я завертелся в поисках скамейки поудобнее, подъехала серебристая иномарка с двумя человеческими тенями на передних сиде-

нях. Сердце пару раз простучало саундтрек из фильма «Миссия невыполнима». Миг открытия настал. На чашах весов лежали с одной стороны – почка, с другой – контракт аниматора.

Стройная, зрелая женщина, с короткой стрижкой волос цвета пламени вышла из машины.

– Алекс? – голос был по-командирски строг, и захотелось отрапортоваться, что «такой-то сякой по приказанию прибыл. С собственной почкой расстаться не готов, но знаю парня в петушином костюме, у которого возможно её приватизировать».

Пару секунд на обдумывание подходящего приветствия. Кинуться обниматься – как-то по девичьи, закрыться в багажнике – подозрительно, начать жонглировать носками и кедами, дабы сразу продемонстрировать свой рабочий профессионализм – непригодно, поскольку жонглирование я толком не освоил, раскокав дома пару лампочек на люстре слишком твёрдыми яблоками. Поэтому я выбрал лингвистический тип приветствия – и уже поздоровался на русском, английском и у меня оставалось ещё 3 языка в запасе, как из машины вышел водитель, остановивший поток моего красноречия. Если Натали выглядела как деловая женщина – руководитель, в брючках и строгом топе, то мужчина вполне походил на роль ринорейдера. В майке, открывающей мощные плечи и рабочие руки морячка Папайи, с волосами забранными в конский хвост, с перебитым носом, сделавшим бы честь любому боксёру со стажем, здоровяк выглядел вполне по-гангстерски. Не скажу, что он воплощал в себе вселенское зло, но претендовать на роль подручного коза-ностро вполне мог.

– Как дила – ты родила? – с мумба-лумумбным акцентом произнёс здоровяк и улыбнулся. И эта улыбка развеяла мои опасения и страхи. Короткое совещание в диспетчерской сознания, заменявшее мне интуицию, поведало, что такие морщинки у глаз могут быть только у добряка, незнакомого с сосудистым зажимом Гегара и не владеющего скальпелем профессионально. Поэтому я в ответ просиял улыбкой, мысленно пожелал воркующим голубям не попасться на обед к какому-нибудь незадачливому робинзону, помог закинуть мои вещи в багажник и уселся на заднее сиденье, стараясь олицетворять собой образцового аниматора со стажем. От винта! Приключение начиналось. Эхей!!!

Глава вторая

Которая следует сразу после первой и плавно подводит читателя к третьей. Поэтому бесполезной её уже не назовёшь. Кроме того, при прочтении её вы узнаете о бравой команде из аниматоров, с которыми мне предстоит работать. И в которой я несколько раз сомневаюсь, причём один раз сильно, что я надолго задержусь на этой работе.

Перед тем как мы покатали в отель, к месту моей будущей работы, в машину попытался ворваться знакомый пухлячок в жёлтом петушином костюме, держащий под мышкой украшенную алым тряпчонным гребнем птичью голову.

– Ноу диско, верштейн? – отпихивал я его, подозревая, что он претендует на моё место аниматора.

Ишь ты, быстро прознать успел, что работодатели прикатали. Естественно, работа в отеле на свежем воздухе с плановыми перерывами на питание куда престижнее торчания в фойе аэропорта с кипой флаэров в пропахшем потом маскарадном костюме. Особенно если в твою шкуру пытается влезть полунищий, похожий на кинозвезду самозванец со 100 баксами в кармане, но при стильных очочках «Ray Ban». Но я не собирался входить в его положение, собственно как и он, периодом ранее отказавший мне в поддержке. Тоже мне пройдоха с личиком буддиста потерявшего листок с диетическими предписанием. Я уже собирался перейти от плевков в пухлую физиономию к затрещинам и зуботычинам, так как молодчик отказывался понимать разумные доводы и упорно пытался поместиться на заднее сиденье, словно ему там было намазано. Наконец Натали заметила инцидент, но к моему удивлению остановила мои попытки выдворить бесцеремонного нелегала.

– Джан, мерхаба... – и они вдвоём выдали ещё кучу тарабарщины, способной заполнить книжку в мягком переплёте.

Закончилось тем, что пухляк, не переставая угрюмо коситься на меня, устроился рядом на сиденье, обдавая волной тяжелого петушиного запаха, который менее стойкие обонятельники назвали бы потным смрадом.

– Алекс, это Джан – твой шеф анимации, – узнал я от Натали шокирующую информацию. Ур, занявший водительское место, обернулся, широко улыбаясь:

– Ему интересно, почему ты мешал ему работать в аэропорту?

Тут перед моим мысленным взором возник жирный прежирный плюс, заполнив видимое пространство. Нет, сначала он был вовсе не жирным, а таким ма-а-леньким плюсиком. Но пульсируя в такт моему сердцебиению, исполняющий похоронный марш, он рос, увеличивался в размерах, пока не трансформировался из плюса в крест. Жирный крест на моей карьере аниматора. Этого я опасался, читая полные слёз и обида отзывы о работе аниматоров. Видит бог, зря я не послушался к предупреждениям лыж, упавших с антресолей. Ведь что может быть хуже испорченных отношений с шефом анимации. И это в самом начале работы, когда я даже не успел проявить себя как славный парень. Глядя, как шеф Джан, хмурясь, вытирает петушиной головой оплеванное лицо – я понял, что ничего хуже и не бывает.

– Э-э. Мерхаба, Джан, – как можно более бодро выдал я, пытаюсь помочь ему утереть пот.

Мерхаба – означает по-турецки «привет». Это первое слово, которое мне удалось закрепить в течении 2-ух домашних подготовительных недель.

– Насыл сын? – это уже демонстрировал своё второе слово. На этом моя лингвистическая эрудиция заканчивалась, но я надеялся, что блеснул в дебюте.

Фраза «Насыл сын» с поиском сына никак не связана и означает – «как дела?». В ответе Джана я не услышал слова, означающие «хорошо» или «отлично» – которые я также выучил.

И сам обвинительный монолог, исторгнутый пухляком, вкуче с кислыми интонациями, не дал мне повода усомниться, что меня ждут будни трудоголика и козла отпущения. Вместо шведского стола меня ждёт рыбий комбикорм, вместо сна – ночное перелопачивание пляжа в поисках псевдосмысла, определение точного числа песчинок в трёхлитровой банке методом подсчёта вместо отдыха, тотальная стирка униформы всего персонала отеля вместо развлечений с туристами – вот что мне сулила речь разозлённого Джана и это помимо ежедневного пятикратного мытья всех окон отеля и утренней чистки прилегающей территории.

– Джан говорит, что ты порвал ему костюм, взятый напрокат, – вогнала меня в краску стыда, усугубив моё отчаяние, Натали.

«Не, ну как так порвал?!» – пытался я хоть мысленно оправдаться перед собой. Подумаешь, слегка надорвал хлястик хвоста, но что мне было делать – ведь я тогда был в панике, всерьёз обуреваемый мыслями об охотниках за почками и искал место, где можно схорониться. А он никак не хотел покидать петушиное обличье, даже несмотря на то, что я предлагал ему взамен пустой футляр из-под очков «Ray-Ban» и дисконтную карту «большой плюс» для получения скидки в 1% в продовольственной сети «Петровский». А это не хухры-мухры, покупать 10 банок пива «Козел» за 350 рублей или же за 315. Совершенно иной расклад, даже на лишнюю пачку арахиса хватает. А арахис это и протеин и углеводы для мозга. Но тот парень никак это не хотел признавать и делал вид что не понимает. Да всё он понимал, когда речь идёт о выпивке, любой язык приобретает свойства интернациональности. И если бы не служители порядка, вызванные им, я бы своего добился.

В общем, вот такой «слаженной» командой, таким «сплочённым коллективом лиц склонных к единодушию во мнениях», состоящей из мрачного шефа и косящего под наивного и полностью осознавшего глубину своего проступка дурачка подчинённого, мы покидали Анталию и направлялись в сторону Кемера. Ситроен ровно стелился по асфальту и посмотреть было на что. Поэтому я отвлёкся от рабочих мыслей, тем более что при нынешнем раскладе они не доставляли мне никакого удовольствия и сконцентрировался на приятном глазу отдыхающего средиземноморском ландшафте.

Мимо взора неспешно проплывали загородные фазенды, виллы, отели, оттеняя вид дышащих свежестью сосновых рощ и неприступных горных круч. В большинстве их что-то объединяло – особенности архитектуры, рассаженные и наверное чудесно благоухающие цветники, пальмочки, создающие ощущение восточного уюта и оазиса счастья. В просветах отельной изгороди сновали облачённые в чёрно-белую или красно-жилеточную униформу чернявые официанты. Видны были ноги или руки отдыхающих, вальяжно высунутые из шезлонгов. Последние как правило переходили в винные бокалы, стеклянные стаканы с коктейлями или оканчивались большими пивными пластиковыми ёмкостями. Шатались в праздничном подпитии по зелёным террасам отдыхающие или блаженно страдая от похмелья, предвкушали новые алкогольные свершения, скрывались в тени, охлаждаясь соком. Входили в зеркальные двери шопогольные наркоманы с охалками пакетов, в этих же вращающихся зеркалах придиричиво или с любовью разглядывали своё солнечное отражение модники и модницы. Покидали отели женщины в панамах и парео, отправляясь на прогулку, выходили наружу солидные по животам мужчины в разношенных пропотевших футболках и сверкающие бицепсами молодцы в майках с барышнями за ручку, разоблачёнными в писки моды, то есть чуть прикрытые лоскутками тканей.

Я глазел на всё это пиршество 1—2-ух недельного материального существования и пытался отождествить себя с ними, но не очень-то получалось. Я находился по другую сторону баррикады и у меня пока не было даже белого флага, чтобы попроситься к ним. Пытался я также безрезультатно разглядеть аниматоров. Вероятно, они скрывались в глубине отельных территорий.

Некоторые туристические здания выделялись своим необычным стилем. Поразила я огромному лайнеру посреди преимущественно двухэтажного курортного посёлка, который возвышался над крышами небольших шопинг-центров, подобно гигантскому айсбергу среди плавучих льдин. Королева Элизабет – перевёл я название этого архитектурного роскошества с застеклёнными отвесными бортами, полосатыми надпалубными трубами и мачтами-антеннами.

Были и отели-дворцы с восточными куполами-минаретами, резными проёмами надземных галерей. Отели с продуманным масштабным ландшафт-дизайном, включающим лужайки для гольфа, зеленеющие луга для конных прогулок и поля-стадионы. Маленькие отели домашнего типа с тенистыми верандами, увитыми назойливым плющом, рассчитанные столиков на пять. Были и не примечательные фасады отелей и напротив, отели, столбящие места в памяти без винпоцентина, имеющие у входа статуи наподобие античных – излюбленные места для фотопозирующих, произведения искусства безымянных мастеров, монументы перед входом. Всё это разнообразие проносилось передо мной, мелькая красками, цветами, оттенками, настроением лета.

Вот трасса, безопасно петляя, постепенно вывела машину к морскому пейзажу, улаживающему взор. Море изумительной южной палитры с оттенками лазурного, бирюзового и тёмно-изумрудного. Безмятежное море с полупрозрачной гладью, сливающейся вдаль с горизонтом. Лодочки, яхты, парусники, катера с бананами и надутыми плюшками, прыгающими по волнам с привязанными туристами, оживляли водное пространство. Несколько островов, основательно заросшие тропическими деревьями, возвышались подобно гигантским ежам. Каково это – жить на таком острове, встречать восход солнца, сидя на береговом песочке, плавать каждый раз в море при появлении такого желания и любоваться закатным маревом?

Наверное, здорово. Уверен – классно. Ситроен рвался всё дальше. Мы ныряли вместе с ним в прохладную темноту тоннелей со своим чарующим гудением пронесшихся навстречу машин, подобно огромным шмелям. Вырываясь из этих каменных освежающих пустот навстречу солнечному дню, обгоняли туристические автобусы, важно глотающие километры дорог. Пронеслись мимо уличных, завлекательных своим беспечным уютом кафешек, мимо цветочно-фруктовых прилавков, мимо частных магазинчиков и сувенирных лавочек со зрителями-продавцами, разморённо-полусонно глядящих в никуда, погружённые в солнечную дрему.

Долго ли, коротко ли, когда я уже потерял счёт времени, мы домчались до места моей будущей работы. Ничем этаким примечательным отель не выделялся. Ни тебе причудливых горгулий на крыше или макета взбирающегося по стене Кинг Конга. Ни пизанских пальм, ни английских кустарников в форме чайного сервиза, ни геликоптерной площадки или верблюжьей упряжки у входа. Стандартно слепленное белоснежное крупное здание со стеклянным фасадом и золотистыми двухметровыми буквами «ROSE Residence and Beach HOTEL». Будочки охранников по обеим сторонам от шлагбаума, цветочная клумба перед входом. Красиво? Да, бесспорно. Но не роскошно впечатляюще. Либо здесь заправляют хозяева экономай-скупердэи, не отягощающие себя расходами на шикарную оболочку, либо не склонные к экстерьерному выпендрёжу консерваторы с девизом «ничего лишнего», делающие акцент на профессиональный сервис и качество услуг.

Растолкав задремавшего было Джана, для которого законные панорамы были привычны и родственны, я выбрался наружу, потянулся. Хорошо было вновь ощутить себя стоящим на земле, пусть и не родимой. Под предводительством Натали и Ура мы направились в обход главного здания, вдоль травяных газончиков, по вымощенной плитками дорожке. Миновали небольшой бассейн с полупустующими лежаками по периметру. В лицо раз, второй, третий хлестануло морской свежестью, будто мокрым полотенцем, упавшим с пирса. «О, этот дивный запах, им можно даже умываться или заправлять суп из креветок», – подумалось мне.

На территории относительно безлюдно. Я отметил разрозненные группки туристов, потенциальных объектов моих будущих развлекательно-направленных действий. Моё внимание привлекла сцена, выкрашенная в чёрный матовый цвет, с крышей-навесом и ступеньками, ведущими на помост. Задник был тоже цвета ночи. Я подавил желание заскочить на неё и показать свежую пародию на Мерлина Мэнсона, оставив эту идею для более подходящего момента, а то неровен час, Натали вспомнит про надуманный и бесшабашно указанный в резюме титул «казачок-2005» и велит продемонстрировать искусство казачьего танца.

Неподалёку от сцены находился второй бассейн, покрупнее, с двумя аква-горками, исторгающими мчащиеся потоки воды. Одна традиционно была закручена в спираль. Вторая в виде горки. К этому бассейну прилегал бар мест на 30, накрытый бежевым тентом, создающим тень. За чёрной сценой скрывался ещё один бар, в тени деревьев. За этими же тенями скрывался шатёр кальянной. В кальянной кто-то пыхтел, испуская дивный яблочно-винный аромат. Там-то мы и повстречали доблестную команду аниматоров в количестве трёх человек, развлекающую группу туристов, состоящую из такого же числа особей отдыхающего пола. Все шестеро играли в дартс, бросая дротики в щит, закреплённый на изрешечённом от подобного времяпрепровождения стволе толстого дерева. Кто из них аниматор, а кто турист – разобрать не представляло труда даже для дрессированного дельфина. Аниматоры двигались, почёсывались, кашляли, кричали, создавая иллюзию оживлённости. Гости же эту иллюзию актино-сти пытались всячески развеять своей монументальной неподвижностью и однообразием позы, словно позируя для художественного полотна.

Обязанности в обеих группах были строго распределены по ролям. Несмотря на отсутствие режиссёра от сценария никто не отклонялся и такое положение дел устраивало обе стороны. Первый, очень худой аниматор называл цифры, выбиваемые на щите, разными языками, поражая техасски-таджикским акцентом, второй записывал их на сверхзадрипанный клочок бумаги, периодически роняя ручку то ли от усталости, то ли наоборот, чтобы поддерживать себя в тонусе приседанием и тем самым не впадать в дремную кому. Третий, наиболее подвижный, был в роли терьера – сновал от туристов к дереву и обратно, принося в руках дротики. Так же распределились по ролям и отдыхающие. Первый протяжно зевал, пытаясь продемонстрировать миру остатки завтрака, второй – раз в минуту размеренно прикладывался к пивному доброму размером стакану, третий турист, не слизавший ещё всё молоко с порастающих пушком губ, маятникообразным движением упорно ковырял шлёпкой цементное меж плиточное пространство, отвлекаясь только на усилие для броска дротика.

Атмосфера общей безысходности роднила и сближала эти две группы. Разливающиеся от них печальным маревом волны тоски и апатии, казалось, накрыли и овладели мною. «Беги!» – закричал мне первый внутренний голос. «Спасайся!» – возопил второй диспетчер. «Будь мужиком!» – как-то невпопад воскликнул третий.

Что же это такое? Где веселье, задорный смех, шутовская беззаботность, которую я себя представлял. Неужели это и есть та работа, ради которой я преодолел тысячи километров – быть безрадостным пастухом среди унылых серых туристических мышей. Неужели я обречён несколько месяцев кряду выполнять одну из этих скучных ролей? Монотонно выковыривать дротики из коры дуба, или записывать баллы, до которых никому из играющих нет дела, на обрывок туалетной бумаги, или называть наобум, не глядя на результат и засыпая на словах неведомые цифры, повергая в ещё большее уныние, близкое к заупокойной скорби, пофигистично настроенных туристов?

Своим появлением мы разрушили эту постутопическую идиллию коллективного несчастья, и группы распались. Аниматоры, как мне показалось, с видимым облегчением, поспешно устремились к нам, изображая не наигранную радость. Туристы с неменьшим облегчением, сбросив пуд немотивированного навязанного досуга, продолжили заниматься своими делами: углублённым зеванием, пивным распитием и экспресс-изнашиванием шлёпка методом пли-

точного ковыряния. Натали, поджав губы, сделала про себя выводы относительно увиденного. То, что здесь происходило, явно не было образцово-показательным выступлением для начальства.

Аниматоры заметили этот взгляд, веско характеризующий что думает строгая дама в брючном костюме о подобном времяпрепровождении. Туристы же, которые остались в стороне, выглядели жалко, словно надоевшие игрушки, оставленные без внимания капризным малышом и сводили на нет всю напускную жизнерадостность бравых аниматоров. Не знаю, кто или что довело их до этого вида – пассивная бездеятельная жизнь всёвключённых, хроническая непереносимость солнечных ванн, отравление морепродуктами или неприятие организмом оздоравливающего морского климата, а может и убивающие позитивный настрой условия проживания внутри отеля. Или они с детства росли такими серыми сонными интровертами. Так или иначе, выглядели они сейчас не теми отдыхающими, с которыми я был бы рад провести досуг. Любой здравомыслящий человек предпочёл бы день заточения в карцере без еды с обязательным прослушиванием лучших песен Филлипа Киркорова – пяти минутам, проведённым в этом ботаническом обществе.

Первый из будущих аниматоров с кем я скрестил ладони, оказался некто Егор, как выяснилось – сын Натали. Слащавого вида хлопец с копной миелированных волос, с нижней губой продырявленной серебристой бусинкой, с пробитым серьгой ухом и подведёнными тушью глазами. Шея была обмотана клетчатой арафаткой, а голос хлопца надсадно хрипел, что свидетельствовало либо о простуженности горла, либо он был выведен из строя вечерней попойкой, либо заплывом в непрогретом море. Матери открыто говорить о мужских попойных делах не всегда следует, поэтому Егор, как я и предполагал, выбрал для объяснения своей тональности версию с морским заплывом.

– Из России? – спросил меня миелированный, закончив отчёт о своём сверхприлежном поведении перед матерью. – Какой город?

Не дождавшись упоминания Москвы или Питера, он потерял интерес к провинциалу и затараторил на турецком с Джаном. Вторым незнакомцем, оказался, судя по приколотому к футболке перевёрнутому бейджи, некто Мустафа, или Мусту – как ласково представил он сам себя. На голове у отца таланта – Мусту красовался гребень волос, заботливо уложенный волос к волоску с тоненькой косичкой на границе шеи, увенчанной бусинкой. Чрез мочку уха проходил шуруп, а запястья обвивали кожаные наручи. Печальный взор, больше присущей уставшему от мирских сует поэту или разжиревшему домашнему коту, понявшему бессмысленность поиска смысла жизни в еде, но не имеющему силы отказаться от оной, выдавал натуру лютниста – романтика, нуждающегося в избытке женского внимания. Вихрастый Мусту, в довершение к взгляду, также оказался обладателем бархатного голоса, вмиг утратившего радостные нотки, когда он осведомился у Натали об обещанной зарплате и возможности её скорого получения. Перспектива оказалось не столь скоро ожидаемой, поэтому ещё более печально простившись с нами, как будто бы навеки, он отошёл в сторонку попереживать и всгустнуть. Я обеспокоился, как бы эти финансовые новости не принудили его задуматься о бренности владения земного существования. Не обратили бы его взор в сторону бескрайнего морского простора и не направили мысли в русло об исследовании шлейфа морского дна в поисках входа в мир усопших. Но Ур, видимо, также своевременно оценил ситуацию и поспешил вывести из депрессии своего работника живительной силой беседы и силой рук, умело встряхивающих плечи подопечного.

Апофеозом знакомства стал мистер Боб. Я сразу не мог сказать, кого он мне напоминает больше, хромого ворона, въедливую цаплю, не самого удачного двойника Чарли Чаплина или хитрого визиря из персидских сказок. Он, скрывшись в тени, подобно серому кардиналу, давно наблюдал за нами оценивающим пронзительным взглядом из-под низко, до самых чёрных глаз, затянутой по-пиратски чёрной банданы. Кого он видел? Конкурентов на пути карьерной лест-

ницы? Мух, вторгшихся в паутину дворцово-отельных интриг? Разводчиков чау-чау, ищущих новый рынок для сбыта просроченных собачьих консервов? Или же новых друзей? Кто знает? Такой взгляд мог скрывать какие угодно мысли, даже самые безумные, вплоть до ограбления киоска «союспечать». Небрежно и по возможности чинно, то шаркая правой ногой то волоча её за собой, он подошёл к нам с Джаном.

– Боб! – представился он по-царски, протягивая руку ладонью вниз, словно для лобызания, смело ожидая, что от одного этого слова должны подкоситься колени и пересохнуть в волнении горло. Его худое лицо немного исказилось, крючковатый нос хищно загнулся, кинжальный взор сверх обострился, когда я пожал ему руку. Мне показалось или между нами в этот момент действительно промелькнула чёрная кошка. Растирая ладонь пожатой руки, он что-то прошипел на своём наречии. Наверное, я переборщил с интенсивностью пожатия. Впрочем, судя по его жилистой и близкой к анорексии фигуре, ему хватило бы даже половины дозы ладонного приветствия. Не переставая метать в мою сторону гневные взоры, он решил воздержаться от нового рукопожатия с Джаном и кивком поприветствовал того. Услышав от толстячка с лицом буддиста, что он шеф, Боб почему-то растерялся, растеряв пафос визиря и побледнел в и без того изменившейся физиономии. Из последующей перепалки его с Натали, я определил, что роль шефа в доблестной команде аниматоров Rose отеля он отводит себе и не собирается мириться с появлением какого-то Джана, претендующего на ту же роль. Он до того раззадорил себя яростными речами, что мог бы не избежать участи подвергнуться самосожжению то бишь воспламениться, но тут вновь вовремя возник Ур. Он стиснул его за плечи с такой силой, что воздуха для брани у мистера Боба не осталось и отвёл его в сторону, подальше от глазающих на это действие туристов, которые на короткое время даже забыли о своей программе дня – зевать, пить и рыть шлёпком суэцкий канал.

– Алекс, займись ими, – скомандовала Натали, также заметив нежелательное внимание со стороны всёвключённых к внутриккомандным разборкам.

Полминуты мне понадобилось, чтобы идентифицировать себя с Алексом, так как до сей поры был чаще Сашей, Сашенькой, Саничем, Сашкой, Александром, Саньком и крайне редко Шурой. Затем, ощущая небывалый подъём энтузиазма, преимущественно от командного голоса Натали, чем от лицезрения тех, коими надлежало заняться, поспешил исполнить первое поручение.

В поисках поддержки, советов и инструкций и финалисток конкурса «хочу на обложку „Maxim“», я огляделся. Все компаньоны-аниматоры были заняты, а роскошных девушек поблизости не наблюдалось. Боб и Джан, объединённые Уром в спорящее трио, сотрясали воздух, предъявляя свои регалии на должность шефа. Егорка, расположившись на террасе, преспокойно попивал сок в маминой компании. Мусти фрустрировал на пристеночной скамейке, заливаемый солнечными лучами, создающими резкий контраст с тёмной от загара и финансового фиаско физиономией, и плавал где-то в забвенье вселенского горя.

Так я оказался один в непосредственной близости от погружённых в депрессию людей. Предстал перед семейной парой двух возрастных флегматичных бегемотиков, один из которых уже довёл себя включённым пивом до кондиции монашеской отрешённости и невозмутимости Ваньки-встаньки, и долговязого слегка нескладного подростка лет 14-ти, вооружённого шлепком-лопатой. Он находился где-то на этапе противопоставления себя обществу, имея выраженный призыв – потребность к разрушению, в чём успела убедиться плитка. Да-а, вернее мда-а-а, эти экземпляры всёвключённых оказались вовсе не похожими на тот идеализированный облик, который я сам себе создал в виде развесёлых, стройных, игривых, загорелых девиц или самоуверенных панибратских парней-удальцов, добродушных семейных мужичков или задорно-симпатичных барышень в возрасте получения второго высшего образования.

Познаний в дартс-игрище у меня практически не было, навыков прицельного метания дротиков тоже. Да прежде я и не считал дартс интересным занятием. Я ему отводил место

между игрой в городки и фрисби. То есть если тебя заперли надолго в комнате, где только четыре стены, пол, потолок и дартс, то отчего бы и не попробовать пострадать ерундой пару минут, в паузах между попытками найти выход. Но вот пришла пора модернизировать точку зрения. Тем более, я позиционировал себя перед Натали как аниматор с тележкой опыта по стандартным развлечениям. Поэтому отступать, демонстрируя профнепригодность, оправдываться, что в Египте среди анимационных программ дартс непопулярен, и, возможно, тем самым дать начальству повод усомниться, а был ли этот анимационный опыт в отелях Хургады и Шарм ан Шейха, не стоило.

Вначале, как водится, я, конечно, струхнул, сомневаясь получится ли у меня занять это туристическое трио из двух homo-бегемотикус и одного подростка. Поджилки ощутимо тряхануло, один из внутренних голосов стал напоминать мне о том, какой я неудачник, лузер и предвещать провал с последующим изгнанием и лишением права заниматься анимационной деятельностью до пенсионного возраста. Сдержав трусливый порыв раствориться в воздухе или присоединиться к горестному Мусту, я решил продемонстрировать насколько увлекательным может стать дартс, если применить к нему метод творческого сумасшествия. Ничего другого по сути и не оставалось. Обычный дартс при таком скоплении таких гомосапиенсов действительно был бы провальным. В итоге, минут через пять после первого броска вокруг меня собралось не менее дюжины разномастных, оживлённых как бандерлоги всёвключённых, в дереве добавилось внушительная порция новых колотых отверстий и оно лишилось значительной части своей коры и величия. Количество метательных дротиков сократилось с пяти до двух. Один из них с плеском скрылся в бассейне после очередного броска. Второй унёс на своём теле, вернее его филейной части, похмурневший официант, мысленно составивший на меня фоторобот со спецэффектами в виде языков пламени, которые источали его глаза. Это произошло ненамеренно. Как я уже отмечал, навыков прицельного бросания дротика у меня не было, а показывать пример подопечным как-то надо. Поэтому так всё произошло. Я залихватски крикнул, метнул дротик, промазал мимо дерево, и в ответ прозвучало ответное, но не столь залихватское криканье. Моих начальных познаний в турецком покамест было недостаточно, чтобы деликатно извиниться перед гарсоном и потребовать обратно свой дротик. Английский язык меня не выручил – из-за того что официант был слишком расстроен своим положением человека мишени. С дротиком в правом полупопошарии, он не мог адекватно общаться. Его хватало лишь расточать проклятия и искать виновника ситуации. Поэтому мне пришлось присоединиться к всеобщему смеху отдыхающих, что лишь усугубило его негодование. И не скажу, что я сделал это с неудовольствием. К стыду своему я смеялся всласть, быть может даже громче остальных, тыча перстом и корчась туловищем при попытках гарсона выдернуть шип из заднепричинного места. Тут мне показалось или по соседству опять промелькнул силуэт чёрной кошки.

Ну а третий дротик кто-то спёр. Я лично подозревал лопухого веснушчатого паренька, бубнящего на немецком. Он чересчур заботливо поглаживал остриё дротика перед каждым броском, крутил его между пальцами, втыкал себе в ладонку, облизывая пересыхающие губы, что, по-моему мнению, выдавало в нём потенциального коллекционера холодного оружия.

Всеключённые бросали дротики под моим чутким руководством различными способами. Что я сподобился придумать за столь короткое время, то и воплотил.

Был раунд бросков от бедра, как метают ножи некоторые киллеры. Метали с разбегу, хлопая ладонями по губам на манер североамериканских индейцев или просто неприлично завывая. Бросали все снаряды сразу, балансируя на одной ноге и с двух рук с разворота. Метали из позы сумоистов, изготовившихся к борьбе и через танцевальное па. Самая непростая для меня задача состояла в не том, чтобы придумать эти варианты бросков, а чтобы отучить гостей кидать дротики в официантов. Ведь сначала играющие так и подумали, что с человеком-мишенью был показательный пример. Попадёшь в официанта – сразу плюсом 50 очков. Откуда

пошла эта информация я не понял, сам же ничего такого не говорил. И подозреваю, что лопухий паренёк-коллекционер способствовал тому, чтобы эта идея прижилась на какое-то время. Подвезло, что не все оказались столь меткими как я и покалеченных официантов не прибавилось в отличие от седых волос в моей шевелюре.

Между тем вырисовывались два лидера состязания. Милашка Сью и Полковник. Как звали на самом деле милашку Сью я не знал, поскольку записал всех метающих-отдыхающих в листке набора баллов под прозвищами. А прозвища раздал после того, как не смог добиться от двух дойчеговорящих туристов их имена. Я их окрестил как Ахтунг и Зергут. И это прижилось. Им понравилось, особенно как я их торжественно объявлял перед бросками. А с милашкой Сью так вышло, потому что и в самом деле девушка была хороша, с чуть завывающимися тёмными локонами и карими глазками – как ангелочек в светлой маечке и джинсовой мини юбке.

Что касается Полковника, он был русским. О военном прошлом свидетельствовала военная выправка, усы и носки в сандалиях. О том, что оно прошлое – начинающийся от шеи живот, командно-фуражечная лысинка и безумный полупьяный взор, присущий отставным офицерам. Он полагал, что я на его стороне, поэтому дружески похлопывал меня по плечу, приятельски ударял в живот и, наверное, видел, как я завышаю ему баллы попаданий. И он был в чём-то прав, так как головой я понимал, что если Полковник не победит, то он может расстроиться. А я уже нахватал себе необязательных неприятельских отношений, включая Джана, Боба и человека-мишень, который привёл своих знакомых официантов и, указывая им на меня, очевидно обсуждал план расправы с тем гнусным нахальным новоиспечённым аниматором, подло засадившим ему дротик в мягкое анатомическое сиденье.

Получилось так, что я решил сделать финальный раунд между Полковником и милашкой Сью, дабы выяснить, кто лучший игрок в дартс. Задача была проста: водрузить стаканчик с пивом себе на голову, сделать три оборота вокруг себя и бросить дротик в щит. Опять же военное прошлое и армейский квадратный череп не подвели Полковника и он, угрожающе раскачиваясь и направляя дротик на окружающих во время манёвра с тройным оборотом, чем вызвал немалые переживания и предынфарктные состояния, сумел поразить цель, не расплескав напиток. У милашки Сью всё прошло не столь гладко. Во время кружения её рассмешила подружка, спародировав напряжение лица кандидатки на победу. И милашка невольно опрокинула шатающийся на причёске стаканчик, устроив дополнительный конкурс мокрых маек, чем, безусловно, порадовала присутствующих.

Я объявил Полковника победителем и уже готовился принимать поздравления от самого себя с успешно проведённым первым мероприятием, как услышал нетрезвый возглас победителя:

– А сыпыр ик-ихра буит?

Никакой суперигры я устраивать не собирался. И решил проигнорировать вопрос Полковника, снимая щит с дерева. Но это жест окончания был истолкован неверно, о чём свидетельствовало радостное военное мычание. Пришлось прикрепить щит на себя и надеяться на чудо. Но тут посмотрел на ставшую более неадекватной физиономию Полковника после выпитого призового стаканчика, оценил его горизонтальную неустойчивость на 2 балла из десяти, тем самым приравняв его к эпилептику-канатоходцу. Поэтому предпочёл завязать ему глаза, одолжив у одного из гостей бандану, после чего спрятался за деревом. Окружающие не выдали меня, а их смех Полковник принял за одобрительные возгласы и на удивление метко поразил дерево двумя бросками, где-то на уровне моего лица. Я слотнул с облегчением, быстро перемоткнул дротики с дерева в щит, успев сделать это до того, как опасный игрок справился со снятием повязки и, улыбаясь, воззрился на щит.

– Въы ялочко! – довольно промурлыкал Полковник и ещё немного помутузил меня по животу, в знак одобрения.

Итак, к завершению состязания в дартс я украсил свой живот синяками и пополнил свой же анимационный счёт благосклонным отношением Полковника, усилившейся неприязнью Боба, негативно воспринявшим вести о пропаже трёх дротиков, и зародившимся недоброжелательным отношением ко мне кальящика Яши. Он лишился всех немногочисленных на тот момент 2-ух посетителей раскинутого шатра, переманенных моим развлечением и раздраился жуткой бранью с киданием использованных мундштуков в мою сторону.

Наступала великая пора обеда, о чём возвестил заёрзавший на скамейке Мусти. Скорбь и печаль скоропостижно покинули его и он преобразился. Глаза засверкали, заиграли предвкушением чего-то невиданного, ноги задвигались и понесли его навстречу манящим запахам из распахнутых дверей ресторана, находившегося неподалёку.

– Алекс, давай. Можно кушать, – произнёс он магическую фразу, которая чудным образом наполнила мой рот слюной. Ведь последний раз я ел, пролетая где-то над восточной Европой.

Следом за вождельно устремившимся к ресторану Мустафой я вторгся в просторное помещение. Глаза мои наткнулись на множество серебристых кастрюль-ящичков расположенных на подставках кухонных арматур. Кастрюльки стояли дружными рядками, как братья близняшки. Каждая сопровождалась табличкой смутно ведающая о содержимом. Крышки их были заманчиво приоткрыты и давали больше информации, источая вполне съедобные ароматы тушённых овощей, жареного картофеля, грибной запеканки, соусов, подлив, а некоторые призывали голодающих вроде меня мясными парами. Напротив приковывали голодный взор ладьи с разнообразными салатами, от ярко-угрожающих расцветок как в мире насекомых – предупреждающих: «Не ешь меня», – так и до знакомых сочетаний простонародных овощей. Вооружившись тарелкой, я быстро набрал что-то уже известное мне, как незарегистрированному российскому члену общества пищепоотребителей. В результате беглого обхода и громахания крышками на тарелке архангельского первопроходца аниматора вырисовывалась теплая горка картошки фри, соседствующая с булгышкой кетчупа и майонеза, жаренное мясо неизвестного земного животного и салатно-овощной гарнир.

Мой первый честно отработанный обед прошёл великолепно, с голодухи на лучшее было бы грех рассчитывать, но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Так случилось и сейчас. Я уже завершал обед, сбавив обороты утилизации еды на регулятор «почти сыт», как ко мне подседа Натали.

– Алекс, ты почему обедаешь один? – вопрос был задан обычным учительским голосом, но было в нём что-то от лёгких облачков на горизонте, которые могут мгновенно при приближении преобразоваться в тёмное штормовое небо с грозowymi разрядами молний.

Я припомнил, как аниматоры в Египте дружно принимали пищу вместе, по семейному, за одним большим столом, специально для них отведённому, перебрасываясь шуточками и иногда шая друг над другом. Я же здесь обедал один за столиком, поскольку Мусти куда-то запропастился, Егорка разделял трапезу с гламурной на вид московской туристической общиной молодых парней и девчонок. Боб и Джан только сейчас, всё ещё пребывая в дискуссионном споре, возникли в зоне самонакладывания пищи. Натали продолжила:

– Аниматоры должны питаться в «Розе» (Роза (разг.) – Rose Hotel) вместе с отдыхающими. Это тоже ваше рабочее время. Кушаете с ними, рассказываете о проводимых мероприятиях, приглашаете на них, производите хорошее впечатление. Потом, при выезде они заполняют таблички с отзывами. А уж отзывы – это ваш показатель работы. Если они плохие или их нет, это ваши проблемы, которые решаются увольнением.

Я промычал, понимающе кивая, нечто утвердительное в ответ, и поведал, что не знал данного факта. Мол в Египте мы – аниматоры ели все вместе, дружной общиной, а с гостями напротив обедать не разрешалось. Но Натали эти подробности устава чужих монастырей не заинтересовали. С другой стороны сядь я сейчас с гостями, что я мог бы им нарасказывать

о проводимых мероприятиях и анимационном расписании, сам ещё толком в нём не ориентируясь? Но чувствовал, что и здесь на снисхождение от Натали не натолкнусь, поэтому заверил её, что в будущем исправил эту оплошность и отбыл, откланявшись.

На выходе из ресторана я наткнулся на материализовавшегося из воздуха Мусты.

– Плохо, да? – спросил вихрастый рыцарь печального образа и сам же ответил. – Какашка.

– Что какашка? – переспросил я.

– Это что, Алекс? Всё работать, работать. Денег неможна. Здесь работа, там – работа, ням-ням – работа. Работа – какашка.

Я невольно согласился – так экспрессивно он это выпалил. Мы поговорили ещё о положениях аниматорского мироздания, общаясь на английском. Сезон только начинался, туристы несколько дней назад только стали заезжать. Затем я наткнулся на первое турецкое противоречие. В разговоре Мусты утверждал, что они втроём, он мистер Боб и Егор уже с месяц вкалывают здесь как волы. Но мне не захотелось начинать знакомство с сенсационных разоблачений и выяснять, как они здесь работали с месяц, если отдыхающие появились только сейчас. Может на манекенах тренировались, кто знает.

Пришла пора заезжать в отведённые апартаменты. На некоторых форумах я встречал восторженные записи аниматоров, как им – «Ааааа! Суууупееер!» – отводили за счёт отеля целые бунгало на команду, и они счастливо коротали в них свободное время, проводя выходные дни и часть ночей в весёлых попойках, преисполненные нежным отношением к работодателям.

Следует упомянуть, что Rose Hotel в Кемере представлен несколькими корпусами. Первый Rose residence and Beach – пятизвёздочный, где я только что отобедал, находился на первой береговой линии и состоял из двух моноблоков корпусов. Один с лобби-баром, второй моноблок с рестораном, каждый со своей зоной ресепшена. А через дорогу от пятёрки, на второй береговой линии, располагалась одна 4-ёх этажная Rose Resort, имеющая статус 4 звезды. Ресепшэн – или административная зона оформления въезжающих, ресторан, мини-бутики, фитнес-зал, бассейн, бары и кроличий загон. И справа от Rose Resort, взятая отдельным забором в клещи, трёхзвёздочная Rose, как мы её называли – маленькая Роза – трёхэтажная, состоящая только из спальных номеров. С будкой охранного поста, часто пустующего в дневное время – рядом с оградой. Туда то мы и направлялись с Мусты, Джаном и багажом. Само здание малой Розы было не выделяющейся, приглушённой, кирпичной раскраски, большей частью скрытое близко-посаженными декоративными деревьями. Внизу проглядывали окна дополнительного, подвального этажа с балкончиками, основанием утопающими в грунте. Лицо человека, задумай он выйти на такой балкон, оказалось бы вровень с моими коленями. На территории, перед фасадом, также находился бассейн, хотя по размерам сия купальня была ближе к слоновей ванне. В настоящий момент он переживал не лучшие времена да и засуху, судя по листьям и мусору, скопившимся на его дне.

Мустафа поделился с нами радостью, что летом, в разгар сезона, он будет наполнен водой и отдан в наше пользование для весёлых ночных попок. Я представил, как мы здесь будем зажигать с тщательно отобранными для подобного времяпрепровождения девицами, с музыкой, с выпивкой. Представил себя, делающего сальто в подсвеченную ночную воду. Взгляд наткнулся на использованный аксессуар для половых утех, устроившийся по центру чуть влажного дна, в гербарии из подмокшей травы и радужная картинка потеряла свою целостность и поблекла.

Внутри здания – эхотворящий холл, и по внутреннему устройству корпус походил на французский знаменитый форт Боярд. Вернее сильно уменьшенную копию, лишённую к тому же массы интересных деталей. Четыре пальмовые кадки по углам, пара диванчиков в холле и два верхних яруса с дверными проёмами. На второй и третий ярус ведёт винтовая лестница, дающая начало перилам, проходящим через весь этаж вкруговую. Сейчас турецкий форт Боярд выглядел как перед реставрацией и пустовал в ожидании своего Паспарту.

Напротив ожидаемого мною заселения на первый этаж или верхние ярусы, Мусти повёл нас вниз по бетонной лестнице в сумрачный подвал, который резко выделялся сырым запахом постиранного белья с вкраплениями заплесневелости. На анимацию отель выделил 2 комнаты. В одной проживал Егорка, в другой турецкоподанные Боб и Мустафа. По беспорядку, развалу и степени захламлённости, комнаты словно негласно соревновались меж собой, чья больше будет напоминать логово разбойников-грязнуль. Не перепутать их можно было только по количеству вскопанных как огородная грядка кроватей. Я затащил свою поклажу в ту комнату, где одно из двух имеющихся спальных мест претендовало на свободу, сгрёб хлам наваленных шмоток с неё и присоединил к куче на соседней койке, тем самым выбрав своим сожителем Егорку. Джан, пыхтя, потащил свой чемодан в другую дверь, где общее число кроватей равнялось трём.

Свободного места в комнате оставалось в аккурат для маршрутов, больше похожих по размеру на лесные тропинки, проходящих от кровати в ванную и от кровати на балкон. Пять человек, одновременно присутствующих в комнате, превратили бы её в аналог сельдевой бочки. Что и продемонстрировала команда аниматоров, набившихся в нашу комнату, когда я разбирал вещи, а Егорка с недовольным видом обманутого старьёвщика бурчал, разглядывая своё же тряпье, переложенное на его койку, и обдумывал, где же теперь его размещать, так как место под кроватью, в тумбочке и за ней тоже было забито грязной одеждой.

Разговор шёл сугубо на языке продавцов пахлавы, из которого я не бельмеса не понимал, к вящей радости Боба и Джана, видно заключивших временное перемирие и объединившиеся перед лицом общего врага. Впрочем, Джан как-то поостыл в своих негативных чувствах ко мне в отличие от мистера Боба, не простившего мне крепкого рукопожатия, потерю дротика и внешность кинозвезды. Это предвещало кое-какие трудности ещё неизвестному в широких и узких кругах и в буржазийных кулуарах русскому аниматору, обладателю вымышленного титула «казачок-2005».

Стало быть третья глава

Описательно-сопроводительная.

«Энтранс» – как формообразующее свойство среды. Предпосылки создания и условия развития.

Глава не содержит гмо, консерванты и красители. Британскими учёными рекомендовано читать натошак.

Прошло некоторое время, часа четыре с момента вступления в должность. Я малость пообвыкся, узнал больше о своих обязанностях и о том, что их больше, чем я предполагал. Одной из таких обязанностей стал «энтранс». Пришла пора ознакомиться с ним поближе.

Я находился в лежачем расслабленном положении в комнате, размышлял о том, точит ли свой отравленный кинжал человек-мишень и следует ли ждать его ночного визита мщения. Наслушавшись в своё время историй о горячем южном темпераменте, я не сомневался, что как кровь гарсона получившего дротиком в место воспитательно-розговой работы потребует поквитаться со мной. Брикадировать ли дверь или сделать одеяльное чучело, а самому спрятаться под кроватью, вот о чём я раздумывал. Время неспешно продвигалось от полдника до ужина, как ко мне заглянул Мустафа. Егорка отбыл по своим делам, так и не приведя в подобие порядка гору мягкого белья на своей кровати, а я не успел вызнать какие тут распорядки и почём здесь фунт изюма.

– Давай, Алекс, энтранс можно, – молвил Мустафа.

– Энтранс. Что это? Какашка? – переспросил я.

– Энтранс – это пипетс.

Мусти успел нахвататься разных около- и паралитературных простонародных выражений, но из его уст они звучали не злобно, а как-то ободряюще, может в силу того, что он их коверкал, может в силу того, что не вкладывал в них разрушительного действия и агрессии. По печальному выражению его лица, похожему на мордочку енота, обнаружившего, что его норку занял более сильный зверёк, я определил, что «энтранс» как-то связан с нашими рабочими обязанностями, которыми Мустафа чрезвычайно тяготился. Считал их лишними, не вписывающимися в повседневную жизнедеятельность, нарушая плавно сменяющие другу друга фазы сна, приёма пищи и отдыха. В прошлой жизни он был если не неодушевлённым предметом вроде бабушкиного комода, то уж точно животным не подвижнее ленивца. Наверное, если бы ему предоставили выбор быть нормально-укомплектованным человеком и при этом трудиться как все или же быть умственно неполноценным, но жить на государственное пособие не трудясь, Мустафа выбрал бы второе без промедления. Если бы он не был так ленив и местами безинициативен, из-него вышел бы неплохой альфонс. Но из-за этого парализатора жизни – обездвиживающего природного качества, известного в народе как «лень-матушка», он резко охладевал к представительницам прекрасного пола, как только удовлетворял свои физиологические потребности и переставал проявлять знаки внимания. А вы ведь согласитесь – альфонсу, чтобы быть на волне благосостояния, надо иметь либо голливудскую внешность, либо уметь длительно удерживать даму на изысканном шлейфе ухаживания.

Я обучил Мустафу пословицам: «от работы кони дохнут», «работа не волк, в лес не убежит», – разъяснил их смысл. Они пришлись ему по душе, и в некоторые, особо наполненные ленью дни, кони дохли у него табунами, и эта разновидность одомашненных животных как никогда была близка к тому, чтобы быть занесённой в Красную книгу.

Сначала мы посетили гримёрную, где Мустафа вручил мне шаровары и фрак, до чрезвычайности узкий в плечах. Из опасения, что ткань не выдержит, разойдётся по шву, приходилось избегать наклонов, подъёма рук и вообще лишних дыхательных движений. Сам он облачился

в похожую комбинацию, присовокупив к ней чёрную шляпу – цилиндр. Как я понял, используя методику наблюдения за объектом, в качестве которого был выбран Мустафа, наша работа на «энтрансе» заключалась в том, чтобы стоя перед рестораном болтать с официантами, кадрировать симпатичных девчонок, разглядывать мыски ног, периодически почёсываться и пересчитывать зубочисткой зубы. Прохаживаясь вдоль стеклянных окон, любоваться своим отражением, и непременно зевать, изображая усталость и томление души. Но данная методика наблюдения за объектом и копирования его действий, срабатывающая в России безотказно, позволяя перенимать рабочие навыки юными подмастерьями, здесь не принесла требуемый результат, в чём меня горячо, с нотками раздражения, убеждал мистер Боб спустя четверть часа с момента дежурства.

На самом деле, как я узнал от мистера Боба, следящего за моим первым «энтрансом» из тайного кустарного убежища напротив ресторана, задачами аниматора на боевом посту являются: щедро раздаривая улыбки – желать отдыхающим приятного ужина и ежеминутно, бодро, радостно и громко оповещать о вечернем шоу, которое проводится ежедневно. По незнанию этих основ я заработал первое турецкое предупреждение и выяснил, что Боб может быть вездесущ – используя кусты в качестве наблюдательного пункта за Алексом, может пренебрежительно относиться к тому, что делает на энтрансе Мустафа и пришёл ли он вообще на энтранс. И это потому так справедливо происходит, что уважаемый Мустафа давно работает с Бобом, знает, что надо делать и на боевом посту энтранса у него свои, непостижимые такому неوفиту как Алекс, задачи. Мне также повторно пылко объяснили, в ответ на возражения в напрасном присвоении звания неопита и на замечания о равноправии, что «энтранс» Мустафы преследует свои цели, поощряемые начальством в лице Боба, даже если оно – начальство – тоже понятия не имеет, в чём они состоят. Также я выяснил, что Алекс, который спорит, используя доводы разума и элементарной логики, с шефом, не принимающим доводы разума и высказывания Аристотеля – есть – «катастрофа, йя!». Алекс – тот самый никто, который должен делать всё, что скажут.

– Я, шеф здесь, йя! – вопил Боб, брызгая слюной, через пару минут нашего разговора вблизи входа в ресторан. – Проблем хочишь? Будут проблем, салак, йя! Давай работать, йя!

К слову о шефах, у нас их стало двое, по решению совещательного комитета в составе Натали, Ура и обоих претендентов на почётное звание. Мистер Боб – дневной шеф и Джан – ночной. В чём именно различие я пока не осознал, так как Боб не снимал с себя полномочий власти имущего в течение всего рабочего времени, но количество наделённых полномочиями командующих, так или иначе, было вдвое больше положенного, учитывая наш и без того скромный гарнизон бойцов. На троих работников два шефа. Смешно, господа. А вот осознание, что я – мальчик-трудяга, плантационный негр, «natur»альная золушка, рабочий ослик-заложник и низшее звено на иерархической лестнице рабочих отношений, пришло незамедлительно. Егорка – сын работодателя. Мустафа – земляк и собрат по трудовым невзгодам, а следовательно – *lupus non mordet lupum* – волк волка не кусает. Поэтому мальчиком на побегушках, исполняющим роль бравого рядового Швейка и младшего бойскаута в лагере для трудных подростков, стал я. Как объяснила мне Натали, шефов надлежит неукоснительно слушаться и выполнять их требования. Чем карается неисполнительность, не нуждалось в разъяснении – самолёты летают в обе стороны.

«Но не все они согласны перевозить человека за 100 долларов, которые у него остались», – мысленно добавил я, но сей факт только вынуждал меня быть более собранным и стараться не вызывать нареканий.

Позже я открыл, что в «энтрансе» есть и свои позитивные стороны и эти полчаса можно с пользой для себя проводить, успевая выполнять посторонние боевые задачи. Например – приглядывать себе пассий для воздыхания, будто бы ненароком знакомится с ними и флиртовать с надеждой на более позднее приват-свидание. Впрочем, делать это надо было весьма

осторожно, с ловкостью канатоходца, концентрацией сапёра и с хладнокровным бесстрашием тайского трюкача, кладущего голову в раскрытую крокодилю пасть.

Потому что, во-первых, есть писаное правило анимации – ко всем гостям относиться ровно, не выделяя кого-либо из общей массы и не посвящая больше определённого времени, равного примерно 10 минутам, одной персоне, дабы другие гости не сочли такой перевес внимания за обиду. А то ведь не ровен час, расстроятся и уедут из отеля, бедненькие, из-за того, что аниматор время им не уделяет, а ходит кругаями вокруг девиц.

Во-вторых, одним из главных правил, нарушение которого грозило немедленным увольнением, переводилось так – «любые отношения личного характера были запрещены по законам восточного гостеприимства. Никакого интима с гостями». Ибо мы числились как бы слугами хозяина отеля, туристы считались его почётными гостями, и сама возможность слуги вступить в интимную связь с гостем на востоке расценивается как нарушение чести хозяина.

Я в эту теорию, которую вывел мне Егорка, не очень-то поверил, тем более, как относиться к ситуации, когда сам гость проявляет желание сойтись со слугой поближе. Но впоследствии, ознакомившись ближе с темпераментом южных мужчин, осознал, что в целом это правило верное – дикарям сексуальную свободу и флаг в руки с символикой плейбоя опасно давать. Но это правило не мешало самому обслуживающему персоналу отеля, официантам, уборщикам, поварам, барменам и прочим разнорабочим, пытаться оказать нам посильную конкуренцию в плане завоевания женских сердец. Только пытаться, потому что, получалось это у них весьма посредственно, что их выводило из себя, и из этого следовало – в третьих – идя на межполовой контакт, надо было шифроваться подобно агенту с двумя нулями, имеющего сертификат ниндзи, так как каждая стена обладала парами глаз и ушей и была способна из зависти донести на тебя.

Другие развлечения энтранса придумывались на ходу. Например, пока один из нас занимал беседой гостя, продвигающегося с тарелками от гриль-жаровен к столику, второй частично опустошал содержимое его посуды, незаметно для отдыхающего поглощая то, что тот набрал обходя жаровни и столики закуси.. Особенно легко это проходило с картошкой фри в изобилии приготавливаемой для всёвключённых прямо здесь на улице у входа в ресторан, наравне с мясом, рыбой, жареными овощами и прочей пищей при готовке которой высвобождались клубы пара. «Заморить» – так кратко называл это Мусти. Ибо «червячка» он никак не мог достойно выговорить, не сломав при этом язык. Ну, действительно, червячок – для турков был сложным словом, требующим определённой языковой раскрутки.

Были и в турецком языке не сразу поддающиеся славянской ротоартикуляции слова. К примеру, «йапыстырджи», обозначает «клей», но я его использовал чаще как отдушину для выражения негативных эмоций. Мне слышалось в нём нечто бранное – «йапыстырджи тебя растак». Или «йатак ёртюсю» – не сразу ведь и подумаешь, что это про «покрывало».

Ещё одно развлечение мне подкинул один из здешних поваров. Я как-то совершал обходной манёвр с функцией стерео-глашатая вдоль жаровен, оповещая программу вечерних мероприятий и заодно предварительно ознакомляя мой желудок с той пищей, которая скоро заглянет к нему в гости. Меня, помахивая разделочным ножом, подозвал к себе человек в белом поварском колпаке и халате того же цвета и на ломанном английском объяснил, что хочет узнать, как зовётся рыба по-русски, которая лежит перед ним, обваленная в муке. Наверное, чтобы потом блеснуть знанием языка перед нашими туристами.

Убедившись, что нож в его руке представляет угрозу только для целостности тушки рыбы, а не для знатока чешуйчатых водоплавающих, оценивающе посмотрел на дар моря. Рыба, может быть, тоже в ответ посмотрела бы на меня, если бы была жива, и у неё было бы, чем смотреть. По морской хладнокровной живности я не специалист. Заядлым рыбаком я бы себя назвал, если бы только за это выдавали килограмм шоколада, не изымая его обратно, если вдруг выяснится, что это не так. К тому же рыба, представшая передо мной, находилась на ста-

дии внутриволокнистой резекции, готовая к обжарке. Тут и Иван Затевахин бы растерялся с её видовой принадлежностью.

– Фиг знает, – задумчиво протянул я.

Чуть позже, стоя неподалёку, я услышал как этот повар, важно указывая лопаткой на брызгающее тёплым жаром, ворочающееся на углях рыбье мясо, произносит авторитетным тоном парочке российских туристов – «эта есть фигзнаит».

– Фиг знает? – переспросил мужик, перед ужином, скорее всего заглянувший в бар.

– Да, фигзнаит, можна. Давай. Кусна, кусна, – в ответ он получил довольный смех.

С тех пор Этмир – тот околпаченный парень заправски орудующий ножом, да и другие повара стали часто обращаться к всемирному знатоку блюд и словесному дегустатору за названиями для их кулинарных изысков. Я им не отказывал.

Так появлялись новые сорта рыб, производя фурор в ихтиологии: рыба «нетреска», рыба «пучьживот», рыба «изморя», рыба «япоймал», рыба «афанасий», рыба «какводолаз», рыба «нарезная», «пивная» рыба, рыба «закусонич» и рыба «полукит». К рыбным блюдам моими усилиями вскоре присоединилась и мясная продукция. Тут было раздолье для гурмана – настоящая кладёшь блюдомана. Хочешь тут тебе ветчина «прошлогодня», колбаса «сливочно-ванильная», «ещё живые» пельмешки, бифштекс «из-под катка», мясо «краденое», «длинный язык болтуна в собственной слюне», «пальцы повара в скляре» и мясо «нашёлна-дороге».

А также: «клонированная» баранина, «как-бы» кура, «недосыр», сыр «сырой», «неплёванное» молоко. Не были забыты и гарниры: овощ-«овощ», «съешьзнаешь», «беринеспрашивай», «сеньорпомнидвор», овощ «молчажуй», капуста «марсианская», «что-то жёлтенькое», фасоль «ночнойдиалог», приправы «глазавкучу», «поваржжёт» и «дышунимагу». Отдельно готовили печень медузы и рёбрышки эхинококка.

Суп «из сапога», суп «из топора», бульон «из трёх пустых салофановых пакетов», «двойной ролтон с бурбоном», суп «боржомии» и «салями», щи «яначхал», борщ «по-турецки с облепиховым вареньем». Многосоставные салаты также получили свои определения: салат «утолипечальку», «трехкопеечный салат», салат «большенелезет», салат «яувольняюсьпоэтомувот вамвсем» салат «из гвоздей с ликёром», «мамаево побоище», салат «реальный», «таракашкина радость», «рискини переварить», салат «на выброс», салат «честный – с плевком». Встречались рагу «из какаду», «суперплов с мухоморами» и «марципаны в скляре».

Фрукты тоже не обошли стороной. Фрукт «фу», фрукт «залежалый», фрукт «отдай-врагу», «простовкуснаяхрень», редкий фрукт «изгипса» и фрукт «кистевой эспандер».

Десертные блюда и пирожные к чаю: «чебурашкино счастье», «что-то с чем-то», «неслабий замес», торт «измясныхконсервов», «сладкая непонятка», «жировое отложение», торт «обжорка», торт «похудетьнеполучится», пирожное «гарант кариеса» и торт «целлюлитный».

Самое веселье было, когда в один радостный день по чьему-то распоряжению рядом с едой возникли таблички с названиями на английском, турецком и алексо-русском. Поэтому о том, что в отель заехали новые партии русско-говорящих отдыхающих, легко было определить по раскатам смеха с вставками хихиканья и хаханья, идущими из ресторанный отдела. Повара, должно быть, впоследствии раскусили, что я был не совсем честен с ними, но оценили юмор, да и большинство туристов были довольны и приписывали сия творения на счёт турецкого остроумия. Поэтому, завидев меня, местные кухонные труженики ножа и разделочной доски, всегда тепло приветствовали:

– Э, эточто, Алекс, как дила? Рыба «нетронь», а, хошь? Кусно, давай! Алекс, давай, мясо «камень» сигонда, кусно. Хочишь? Картошка – «съешьлукошко», давай, Алекс, как дила.

Трудности Ахмедам, Али, Юсуфам и Мустафам встречались только в виде редкостных зануд, чаще в лице представителей пенсионного поколения России. Тогда межвидовые диалоги могли происходить следующим образом:

- А что это вы готовите? Что это за мясо?
- Это есть «изюбра». Давай, кусно!
- Мясо изюбра?
- Да, изюбра, давай, изюбра, кусно.
- Ничего себе. Нина, Павел Николаевич, смотрите! Здесь мясо «изюбра» есть!
- Изюбра?... Изюбры.. – они же вымерли вроде как?
- Да нет, Нина, как вымерли, если здесь написано – мясо изюбра, значит, не все вымерли.
- Да, да – «изюбра», не все, хорошо, давай.
- Павел Николаевич, скажите, а изюбры это что, деликатес?
- Позвольте, позвольте.. Молодой человек, это что за мясо?
- Изюбра, кусно, давай, ням ням, хорошо.
- Не может быть! Откуда здесь изюбру взяться? Это же мировая редкость.
- Ну послушайте, это у нас в Ульяновске изюбры редкость, а здесь, возможно, сохранились.
- Молодой человек, вы не ошибаетесь – это точно изюбр?
- Изюбра, кусно, хорошо. Давай!
- Вот чудеса. Положите мне кусочек.

Осчастливленные таким деликатесным блюдом и помпезным вниманием к собственным персонам, ульяновские пенсионеры пребывали в восторженных чувствах, пока не наткнулись на следующую табличку с надписью «Мясо с пальцев повара. Без ногтей». Тогда собравшись в междусобойчик, похожий на совещательное кольцо игроков регби перед атакой, они тайком избавлялись от странного мяса и набирали салаты, зелень из известных им овощей и уже старались не читать гастрономических надписей.

Самые первые рабочие денёчки, как я уже отмечал, являлись предвестниками основного туристического сезона, серьёзные наплывы отдыхающих были впереди. По процентному соотношению вначале господствовали немцы, большей частью пожилые. Как мне, возможно ошибочно казалось, заслышав славянскую речь, фрицы морщили и без того морщинистые лица в обезьяньих гримасках и осуждающе посматривали на говорящего, кудахтая на своём аусшвайсе. Поэтому в эти дни большую часть объявлений для гостей на энтрансе делал Мустафа, пока я запоминал фразы, наподобие: «Гутен абенд, майне либе гести, хойте абенд вир верайтен шоу..» (добрый вечер, мои любимые гости, сегодня вечером мы приготовили шоу..) Также, если немецкие гости проходили мимо меня, я желал им приятно отужинать на французском или итальянском – *bon appetite*. Это избавляло меня от тех неловких сцен, когда я говорил им ту же фразу, на их родном языке. В этих случаях они принимали меня за чудного молодого человека, испытывающего уважением к их стране, гуртом обступали меня и задавали много вопросов. Что они говорили, я не понимал, оставалось только улыбаться, подобно деревенскому дурачку, перемежая улыбку чурбана с «я-я» и похахатываниями вслед за ними. Я пытался представить, что они говорили, по их лицам, смеху и переглядываниям, и получалось что-то вроде следующего:

- Приятного аппетита.
- О, спасибо. Какой странный акцент. Вы ведь не немец?
- Да, да.
- А вы говорите по немецки? Где вы его изучали? Вы откуда?
- Да..да.
- Фрау, Нинель, посмотри, похоже, этот мальчик не понимает, о чём мы говорим.
- Интересно, вы нас понимаете или нет? Вы ходячая русская обезьяна?
- Да. Ха-ха-ха.
- Посмотри гер Штруман, этот молодчик совершеннейший невежа, не знает великий немецкий язык.

– О, это прекрасно, фрау Мартина. Он должно быть русский. Большинство из них такие болваны. Вы ведь болван, не так ли?

– Да, да, приятного аппетита. ха-ха.

– Впрочем, он неплохо сложен и выглядит мило с этой улыбкой идиота. У вас есть диплом идиота?

– Да, да.

– Но он же дикарь. Никогда не знаешь, чего ждать от дикаря. Вы не расскажете нам, чего от вас ждать?

– Да, да.

– Так расскажите, мы слушаем такого глупого мальчика как вы.

– Да, ха-ха.

Так могло продолжаться долго да и продолжалось, пока я не выучил фразу свидетельствующую, что «я плохо говорю на немецком, но изучаю его, поскольку мне доставляет удовольствие беседовать с такими приятными людьми как вы». Сокращение этой фразы до «я плохо говорит как немец» также заставляло их лица морщиться, ровно как и использование в общении английского языка. К употреблению коего они прибегали с явным неудовольствием да и то, если речь шла о жизненной необходимости и спасении общемировых ценностей. Может действительно миф о превосходстве арийской расы и второй миф – о принадлежности немецкой национальности к арийцам, глубоко укоренились в этом поколении немцев, несмотря на внешнее ярко выраженное непризнание всего, что происходило в Германии в первой половине 20 века. И другие народы, особенно против кого велась война, они не признавали равными себе по уровню.

Ту же аналогию с закладкой уже советских стереотипов можно проследить и в наших бабушках и дедушках, со своими причудами, взглядами, которые мы иногда не в силах понять из-за другого воспитания.

Другое дело – молодые бургеры. Эти ребята уже являлись космополитами, превосходно владели и не стеснялись использовать язык туманного Альбиона. Да и общаться с ними было действительно просто, ввиду отсутствия признаков снобизма в разговоре.

Следующая фаза социально-этнического стеснения наступала для меня, когда заканчивался «энтранс». Приходила пора насыщать свой организм строительно-вкусовым материалом. В это время в ресторан заявлялись Натали с Уром, которые примерно в течение моей первой испытательной недели оставались в отеле, приглядывая за нашей деятельностью и согласуя рабочие моменты с администрацией отеля.

Памятуя о наказе Натали продолжать работать во время принятия пищи, разделяя трапезу вместе с гостями, я отчаянно метался с тарелками по ресторану меж столиков и жующих всевключенцев, тщетно пытаясь услышать родную речь и подсесть к землякам. Но нет, наше и без того немногочисленное представительство было самым голодным и являлось к открытию ресторана. И за те полчаса, что я стоял на входе, успевало насытиться и покинуть вскармливающее лоно турецко-шведской столовой.

В этот час в ресторане оставались лишь пожилые немецкие компашки и, следящие за моими хаотичными перемещениями, Натали с Уром. В эти моменты я завидовал Мусти, вернее его среднему знанию немецкого. И сожалел, что не изучал язык Шиллера и Канта в школе в последнем классе, когда была такая возможность. На немецком я знал помимо «ахтунга» и «зергута» только «der cluge hund» – умная собака, «ich bin matrossen» – я был матросом, «das ist fantastish», «nicht ferstein» и парочку смешных слов вроде «штангенциркуль», «гевонлишь» и «абкхёкля» – но уже без знания их перевода. Согласитесь, с таким глубоким познанием сложно поддерживать разговор на достойном уровне.

Я даже не знаю, возражали ли немцы. Вернее, насколько сильно они возражали, ужинающие зачастую пожилыми парочками, против присутствия моей персоны в их заботливо фаршированном крабовыми салатиками гнездышке.

А дело происходило следующим образом. Сразу после вежливо произносимого мной «гутенаппетит» я нагло подсаживался рядом с бургерской пожилёжью. Выставлял свою тару с провиантом, сдвигая иной раз их тарелки к краю, и очень выразительно жевал, периодически поднимая взгляд на представителей баварского народа, надеясь на то, что издали это яростное, но молчаливое пережёвывание сойдёт за дискуссию, и начальство не станет меня вновь отчитывать. Я не смел открыто признаться Натали о невладении языком баварских пиводелов, поскольку, должно быть, в астральном запале, указал в своей анкете о знании этого языка гордых сынов Франкфурта и Мюнхена на среднем школьном уровне, то есть маленько присочинил. Ну, хорошо, принципиальный читатель, не маленько – наврал с три короба. Нежелание оказаться петухом гамбургским и природно-ослиное упрямство призывали меня продолжать играть роль Штирлица. И к слову Натали обмолвилась, что первоначально в этом отеле аниматоры питались вместе с обслуживающим персоналом. То есть никакого выбора блюд – ешь, то что осталось. Ужин, после закрытия ресторана, то есть полуночный – в общем условия не ахти. Так Натали добилась позволения со стороны администрации отеля есть в ресторане аниматорам наравне с гостями, но разделяя с ними стол. Так как убедила хозяйина, что это часть нашей работы – взаимодействие с гостями – «гест контакт», служит всеобщему процветанию отеля, улучшению настроения гостей путём общения с весёлой молодёжью и прочие плюсы в том числе рекламно-оповестительные. Так что в случае неисполнения своей роли – застольной весёлой молодёжи мы были бы вынуждены откатиться назад и питаться вместе с обслуживающим персоналом где-то на кухонных закромах и задворках, среди чадящих котлов и грязных раковин, на немых столешницах, с остатками требухи и потрохов, не имея права на шведский стол и салфеточно-скатерный сервис.

Как бы то ни было, я фрицеупорно восседал в чужеродной для себя компании и жевал, пытаясь абстрагироваться от изумлённых лиц и получить удовольствие от турецких изысков пятизвёздочной кулинарии общепита. Немцы пытались поначалу получить какое-то объяснение такому неожиданному вторжению в их тихую гавань уюта из томатного супчика с картофельной запеканкой. Но эти попытки были неудачны, поскольку наталкивались на яростную стену молчаливого перемальвания пищи, которая периодически сопровождалась попытками дружелюбно улыбнуться с моей стороны, что делало для меня ситуацию более комичной, а для них более пугающей. При этом я ещё добавлял кивки и мотания головой, чтобы для наблюдающих со стороны не оставалось никаких сомнений в реальности разговора. После бесплодных попыток получить объяснения с моей стороны, бургеры продолжали общаться между собой. Но уж совсем пугать я их не желал, дабы они не подали жалобу на вторжение в личное пространство и на странное поведение. Тогда беседа происходила следующим образом, во всяком случае, я её так интерпретировал:

– Гутенаппетит.

Пауза, логический анализ пополам с недоумённым осмыслением.

– Добрый вечер. И вам приятного аппетита.

– Зергут, – я пытался использовать свои лингвистические познания на всю катушку.

– Вы говорите на немецком?

– Я, я, зер гут.

– Клаус, кто этот молодой человек? Почему он ставит к нам свои тарелки? Он что, собирается ужинать с нами? Но почему? Ведь есть много свободных столиков.

– О, не беспокойся Гретта. Я его видел у входа. Этот мальчик что-то вроде клоуна, видишь на нём фрак артиста. Наверное, он будет нас развлекать.

– Но зачем, милый Клаус?

– Я думаю, это его работа. Это так? – уже обращаясь ко мне.

– Я, я. Дас ист фантастиш, – указывал я на рыбу в скляре.

– Но, Клаус, он, похоже, не понимает тебя. Вы понимаете по-немецки?

– Я, я. Дас анимасьон, – развожу руками вокруг себя, выдавливая из себя крохи словарного запаса, импровизируя на ходу.

– Гретта, мне сдаётся, молодой человек ничего не понимает. Судя по этому ужасному акценту, он из этой варварской восточной страны – России. Где господствует холера, пьянство и наглые олигархи.

– Из России? Какой ужас! Но почему он так странно жуёт, постоянно показывая зубы, Клаус? Он меня пугает.

– Ну он, наверное, необразованный дикарь, не имеющий понятия о культуре принятия пищи и застольном этикете. Не обращай внимания.

– А как же развлечение, он покажет нам фокусы?

– Молодой человек. Фокусы, развлекать. Понимаете?

– Я, я, зергут. Дас ист фантастиш, – и переключаю их внимание на аналог мясного салата, который я принёс из дальнего зала. Делаю вид, что облизываю пальцы и поглаживаю ладонью живот.

– Милая Гретта, наверное, он слишком голоден. Я слышал, что у них в России страшный голод.

– Бедное дитя, действительно он ест как дикарь. Ладно, пускай отъедается. Наверное, он скучает по дому, по своей семье. А мы напомнили ему о своих бабушке и дедушке, вот он и сел с нами.

– Бедный мальчик. Кушай, кушай. Не будем тебе мешать.

Ещё какое-то время они переговаривались, затем переключали внимание на томатные супчики с пампушками, и я мысленно переводил дыхание – ещё один ужин стыда я пережил.

Неприятность случалась, если мимо доводилось проходить Бобу. Хорошо, что я успевал держать необходимый угол обзора и вовремя замечал его шаркающую, заваливающуюся налево походку. Мне надо было создавать уже не только иллюзорную видимость разговора, но и на самом деле беседовать. Вот как я пыжился в эти напряжённые для меня секунды. Штирлиц и его последователи могли бы гордиться мной.

– Я, зергут, – заслышав шарканье, начинал я диалог в середине ужина. Случалось это весьма неожиданно для немцев, ведь они привыкли к безмолвным гримасам, привыкли, что эта «обезьянка» странно лыбится, но ест молча. А тут на тебе. Делал небольшую паузу и указывал на себя, небрежно откидываясь на стуле назад: – Иш бин матроссен. Я, я.

Последнее «да, да» я произносил как «правда, правда», словно этой фразой, что я был матросом, поведал им историю всей своей жизни, подробности которой их крайне должны были интересовать. Они удивлённо смотрели на меня, отложив пампушки в сторону, и это моё «правда – правда» было столь в тему, что у постороннего человека, могло сложиться впечатление, что мы ведем приятельскую беседу.

– Ммм, даст ист фантастиш, – я указывал вилочкой на свой десерт, словно предлагая им незамедлительно попробовать. Прикладывался к чашке чая, прежде чем они успевали отреагировать на мою бурную и столь внезапную казуально театральную речь после продолжительного молчания. И перед тем, как они успевали разразиться вопросительной тирадой на мой бенефис немецкого красноречия, салютовал им чашечкой, восклицая: «Гутен аппетит, – вкладывая в эту фразу такой смысл. – Как было приятно провести время в тёплой беседе с такими милыми людьми как вы, жаль что мы не успели ещё столько обсудить».

Клаусу и Гретте не оставалось ничего иного как вежливо ответить мне тем же самым:

– Гутен аппетит, – слышал я.

Я и Боб, для которого всё и затевалось, и который неспроста проходил мимо. Он определённо что-то подозревал. У него было особое чутьё на подобные ситуации, как я смог убедиться в дальнейшем. Если случалась какая-нибудь неприятность, оплошность и косяк, жди Боба, который в такие моменты незамедлительно появлялся поблизости, вылезал из кустов, вываливался из шкафа или стекал по стенкам душевой, и при этом чрезвычайно походил на сыщика, идущего по следу жареного.

Его подозрения обострились, когда другим вечером проходя мимо, он услышал диалог, похожий на услышанный вчера, как будто аудиозапись поставили на повтор.

Он остановился у нашего столика и спросил: «Алес гут?» Внутренне я затрепетал, но пенсионеры европейского союза не выдали моего невольного застольного терроризма. Возможно, общение разворачивалось по следующей схеме:

– Всё хорошо? – поинтересовался Боб.

Я прибегнул к доброжелательной улыбке, которая спасала меня прежде.

– Да всё хорошо, спасибо, – отвечала моя парочка дойчебабушки и дойдчедедушки.

– Вы уже знакомы с Алексом?

Я продолжал улыбаться, «я-я» -кнув для убедительности, будто понимаю о чём ведётся речь, слышав своё наречённое имя. И хмыкнул, что могло означать: «Естественно, как они могут не знать кто я. Мы вообще долго тут беседуем о всяких приятностях. Они даже знают, что я был матросом».

– Алексом? Ах, да. Алекс. Такой славный юноша, ведь правда, Клаус. Только дико голодный. Их там, в России, совсем не кормят, представляете?

Чуть удовлетворённый, но продолжающий что-то подозревать, Боб отходил, я благодарно улыбался, и все оставались довольны. А через пару дней я существенно пополнил свой словарный запас, путём общения с молодыми немцами, и уже мог не опасаться подобных ситуаций. А ещё спустя какое-то время немцы исчезли из отеля, к моему облегчительному удовольствию. Ведь приближалось восьмое, а с ним и девятое мая. День, не предвещающий для нации изобретателей машинки «Зингер» ничего хорошего.

Глава Арбузная

«Почему собственно „арбузная“, по какому такому случаю, а?» – спросит внимательный к оглавлению читатель. Да потому что во время сочинительства главы писатель поглощал арбуз. Жадно и с хрустом сминаемой мякоти. Не с целью вызвать зависть внимательного читателя, а с целью насытиться сочным, хрустящим, арбузным лакомством.

Кстати, на языке янычар «арбуз» – карпуз. И ещё: при чтении главы британские учёные рекомендуют смеяться (даже если не смешно) для улучшения показателей здоровья. Вслух.

С каждым днём отдыхающей братии всё прибывало, и вскоре Роуз отель создавал впечатление проснувшегося от ноги грибника муравейника или растревоженного простофилей-любителем мёда осиною улья, перепутавшего его с пчелиным. Люди разной степени трезвости, цвета кожи и купальников, размера шлёпок, крутизны стрижек, моральных принципов и устоев постоянно перемещались между бассейном и пляжем, пляжем и баром, баром и рестораном, рестораном и бассейном. Или просто – пляжным баром и лобби-баром. Если бы кто-то вдруг задался целью отследить все эти перемещения, то на первой минуте уже закружилась бы голова, на пятой он бы стал пожизненным клиентом психиатрической больницы, а на седьмой – сам бы поселился в осиною улье, в качестве мёдо-производителя. Мы такую цель перед собой не ставили, просто мы были теми храбрецами, кто становился у туристов на пути и претворял их мечты об идеальном отдыхе в жизнь. Отдыхе активном, занимательном, в котором есть время и поваляться на шезлонге ил рядом с ним, а есть время порастрасти жирок и повеселиться без помощи алкогольных возлияний.

Это были – мы! Мы? Ну как – «мы»? Я!

В дневное время я был царь и бог, шут и скоморох, опора и оплот радость творящий, светоч энергии в царстве пляжной залежной лени и демагогической плесени. Господствовал на суше и на море, на сыром песке, на тёплом асфальте, на дощатом брусчатом пирсе и мокром бортике бассейна. И никто не мог уйти, не испив из чаши пьянящего безумия, не окунувшись в джакузи разудалости, не отведав праздничного пирога с маком из дланей моих.

Вы не подумайте, проницательный читатель, я не сразу стал таким всемогущим, сразу вот так выпрыгнув из прошлой главы. Пришлось пройти определённые вехи в своём развитии из homo sapiens до homo sverxsapiens animatories, набивая шишки и оскомины, терпя позор и унижение, подвергаясь зависти и клевете, влача коромысла огорчений с полными ведрами несправедливости. И вот сказ о том, как это становление, перерождение и внутривидовая эволюция происходили.

В первый же вечер моего прибытия, мы все, включая Натали и Ура, собрались в нашем рабочем кабинете, для обсуждения нашей развлекательной программы и распределения обязанностей. Рабочий кабинет назывался «animation room» – то бишь – анимационная комната.

Компактный кабинет, с успокаивающими для глаз зелёными гипнотическими обоями. С одним большим окном-витриной, напротив дверей, открывающимся на панораму ресторана. С массивным, прошедшим не одну революцию и смену правящей партии, столом шефа. В углу помещения были свалены спортивные принадлежности: пенопластовые коврики для йоги, обручи, мячи. В общем – куча барахла. Также в кабинете теснился синий хлипкий шкафчик с зеркалом и парой полочек внутри. В которых пребывали сломанные дарты для дартса, принадлежности для тенниса, нарды, шахматы, тубики с краской и ещё всякие мелочи, которые не вместились на подоконник. Но полу разостлан ковёр. По внешнему виду, неопределённому цвету и консистенции переживший, должно быть вместе со столом, освободительную войну Ататюрка, не один пожар, минимум три сиамских наводнения и множество попыток сигаретными бычками.

К этому кабинету для встреч и совещаний, примыкала справа детская комната. «Mini club» или «бэбек-клуб» – на языке янычар. Отделённая от нашей комнаты перегородкой, которая не до конца соприкасалась с потолком, детская комната имела собственную дверь со стороны коридора. На данный момент мини-клуб пустовал как желудок праноеда. По словам Натали, в скором времени в команду должны будут влиться ещё девушки аниматоры из России, одна из них детский аниматор.

Эти слова меня обрадовали, поскольку дружеские отношения с турками и перебежчиком Егоркой пока не завязывались. Сын начальства по каким-то своим соображениям, а быть может получивший указания от злопамятного Боба, отказывался знакомить меня с переводом их бесед. Английским, в частных разговорах, они себя не утруждали, а по-русски понимали чуть лучше, чем я по-турецки. Да и вообще, относились ко мне настороженно, словно сделали ставки – сколько я протяну в таком информационном вакууме, причём все ставки были против меня, за исключением разве что Мустафы. А Боб, как я подозревал, стремился убрать меня из числа соискателей на премию «аниматор года» путём скорейшего увольнения.

Само такое воинственное отношение меня не волновало. Вернее волновало, но не сильно. Хуже было то, что у меня рождались рабочие вопросы по моим обязанностям; что мне непосредственно делать, какие мероприятия, как, где и когда проводить. У нас в России это обычно первое, с чем тебя знакомят, когда устраиваешься на работу. А здесь все считали, что я и сам всё знаю, и что-то разжёвывать такому профи смысла не имеет. Обратиться за разъяснениями не к кому. Егор отправлял меня к Бобу. Боб сносно ничего не объяснял, выступая в роли Кощея, окунаемого в кипящее масло, к тому же испытывающего зуд от вопросов и лишь шипел на меня. Мустафа же мало разбирался даже в своих обязанностях и призывал меня забить на работу, от которой коням приходится несладко. Натали тем более не должна узнать о проблеме обкатки. Ведь подразумевалось, что я человек опытный, аниматор, возвращенный в землях египетских, человек со стажем, обладатель танцевального титула «казачок-2005», будь он неладен и сам всё знаю. Йапыстырджи так растак и разэдак.

Но ведь не возьмёшь просто так вон тот проколотый, спущенный, волейбольный мяч из угла и не выйдешь в чисто поле к немецким туристам, со словами: «Хехей! Кто в волейбольчик хочет рубануться?»

Потому что, во-первых не поймут почти все слова, кроме «Хехей». Во-вторых, даже ежели и поймут, волейбольной площадки то всё равно на территории отеля я не заметил. А в третьих, такое мероприятие будет несанкционированным и ещё приведёт, не дай бог Кришна, к очередному турецкому предупреждению.

После пары бесплодных попыток выяснить что-нить путное, я сделал вид, что и на самом деле большой спец и дока в этом деле, в курсе всех последних распоряжений, предписаний и внесённых поправок в трудовой договор. Ведь я каждое утро читаю информационный бюллетень аниматора, а по мероприятиям сам лично разработал пару брошюр для начинающих и снял несколько обучающих видео. Жаль только, сам себя я убедить не мог.

Поэтому прибытия российских девчонок я ждал. Может они окажутся не такими снобами, как Егорка, и будет какое-то подобие адекватного общения и взаимопомощи по рабочим моментам.

Так вот, на первом трудовом собрании, которое опять же проводилось преимущественно на языке осман, разжиться информацией пока не удавалось. Выход виделся один – и дальше косить под опытного бойца и пытаться по мимике определять, о чём идёт речь. Читал по губам я не очень успешно. В разговоре всё мерещились сельхозработы в устричной закуской, требования напасть на корабли повстанцев с бабушками богомольщицами или приказание вынести мозг из комнаты. Несколько раз упоминали моё имя, но с какими поводами для дискуссий оно подавалось, не разобрал. Под конец совещания, когда я уже готов был задремать со скуки, Натали сжалилась надо мной.

– Алекс, на тебе утренняя зарядка. Где проводить, ребята покажут. В 10 утра уже должен начинать. Вода в бассейне ещё прохладная, но через пару дней и аквааэробику можно будет проводить. Это тоже на тебе, как на спорт-аниматоре. В остальное время – гест-контакт, общение с гостями. Это ты знаешь, так же как в Египте. И про анкеты не забывайте, чтобы при выселении гости заполняли анкеты с хорошими отзывами о нас. Бланки на ресепшене. Сегодня вечером шоу – игры с гостями, поможешь ребятам.

Собрание объявили закрытым и все разошлись кто куда, оставив меня в одиночестве. Ужин для основной массы всёвключённых заканчивался, ресторан пустовал, было начало десятого. Шоу должно было начаться через час, и мне надо было отправляться на гест контакт. Территория отеля не отставала по густонаселённости от ресторана и заволакивалась подступающей вечерней темнотой, разгоняемой кое-где редкими фонарями. Конец апреля, с моря дул прохладный ветерок, такой, что в одной рубашке тело пробирала дрожь. После ужина с фразом я расстался, взяв пример с Мусти. Мда, словно конец осени в сочах. Не хватает опадающей листвы, безжизненно-молчащих фонтанов и растрёпанных временем пожелтевших афиш. Какие-то прям депрессные сумерки.

Сделав обход-моцион от бассейна к пляжу и обратно, я наткнулся только на одинокую фигуру охранника отеля, невозмутимым взглядом сфинкса взирающего на белеющие во тьме барашки катящихся холодных морских волн. Уныние и тоска готовы были завладеть мной. Холод и темнота, ветер и внутренняя пустота обездоленного, несмотря на сытый желудок, делали своё дело. Я заблудшая бездомная душа в этом чужом негостеприимном краю. Что я делаю здесь, забытый и ненужный, не разбирающийся толком в своей работе и не встретивший ожидаемой поддержки со стороны команды. Обречённый на равнодушие изгой. Переборов этот первый приступ ностальгии, а за ним ещё парочку, по родной земле, где всё так просто и знакомо, я поприветствовал охранника, услышав в ответ: «Как дила?»

– Всё окей, – отвечивал я и зашагал к источнику далёкого светового пятна, притягивающего одинокого мотылька вроде меня. Я направился к мотыльковой мекке – лобби бару.

Для вечерних выступлений на открытой сцене воздух был ещё прохладен, да и количество публики недостаточно для заполнения даже трети зала, поэтому анимация в эту пору проводилась в лобби-баре. Тёплом, светлом местечке, расположенным сразу за фойе главного корпуса. 107 дюймовый плазменный экран возле одной из стен, около дюжины плетёных столиков, кожаные диваны под охряными светильниками и интерьерные картины на золотистых обоях. Даже бильярдный стол присутствовал здесь с почасовой оплатой и навесными фонариками и полинялым сукном. И, конечно же, место паломничества всевключённых, алтарь принесения обетов и кафедра произнесения тостов – мраморная барная стойка. С витриной заставленной цветными, вогнутыми, витиеватыми, пузатыми, поражающими размерами и формой, бутылками, бутылками, пузырями, с красочными лейблами алкогольных брэндов, с маняще-поблёскивающей чарующей жидкостью внутри их загадочных, кажущихся бездонными чрев. Из-под рома, бренди, виски, водки, джина и других дурманящих разум напитков.

В лобби баре тоже не наблюдалось столпотворения. Несколько детишек возились на диване, под присмотром двух мамаш. Барная стойка пустовала, так же как и коридор за ней, ведущий к ресепшену.

«Что же это такое творится?» – думалось мне. Армагеддон? Нашествие зомби, чемпионат мира по футболу или хоккею? Дизентерия? Словно эпидемия выкосила и без того немногочисленную публику или после обильного ужина большинство отправилось почивать. Где же дневные Полковник, милашка Сью или хотя бы Клаус с Греттой? Я даже был бы рад вновь поведать им свою короткую историю о жизни матроса и может попытаться обучить их русскому языку. А остальные аниматоры, где-то они должны скрываться? Неужто ушли обратно в комнаты. А, быть может, веселятся где-нибудь в номерах с туристами. Сам я опасался возвращаться в это время в апартаменты. Вдруг заглянет мистер Боб или ещё хуже Натали. Объяснять, почему

в отведённое для работы время я мечтательно смотрю в потолок, лёжа на кровати, желания не возникало.

Поэтому я ещё раз внимательно осмотрел пространство лобби-бара. Но ничего не изменилось. Та же возня детей и мамыши, ревностно их стерегущих. Что ж, будем работать с тем, что есть.

– Хе-хей! – с этим возгласом, призванным обозначить бурную радость от встречи, я направился к ребятишкам.

Они также настороженно воззрились на меня, как до этого немцы в ресторане. «Дети тоже бюргерские» – обречённо подумал я про себя.

Но уже через пару минут мы были лучшими друзьями – демонстрировали друг дружке языки, надували щёки, бились мягкими подушками, я катал их на спине и щекотал. И больше того, они понимали, что я им талдычу и наоборот. Не зря, ох не зря, я провёл однажды все новогодние праздники на детских утренниках, играя почётную и местами завидную роль Ивана Дурака в зимней новогодней сказке для малышей, помогая возвращать волшебный посох незадачливому Деду Морозу

Ещё через полчаса я был взмокший, потный и растрёпанный, похожий на сибирского кота, попавшего в стиральную машину. Дети же совершенно не устали. Патрик и Эмма висели на мне, когда я собрался пойти привести себя в порядок, и не думали слезать с весёлой двуногой лошадки. Но хорошо, что мамы проявили должное внимание к своим чадам и немного их уgomонили. Мы ещё напоследок поиграли в футбол апельсином, унесённым мною из ресторана, у которого была перспектива стать моим вторым ужином. Но он так весело лопнул о стену, что я понял – на ночной перекус сегодня можно не рассчитывать. Проходящий мимо человек-мишень, которого я признал по прихрамывающей походке, едва не подскользнулся, удержавшись за светильник, укоризненно посмотрел на разбитые ошметки плода, пачкающие соком пол. Затем увидел меня неподалёку, мысленно сплюнул, как будто ничего другого от такого фашиста и гарсонофоба и не ожидал. И вскоре явился с тряпкой и зловещей гримасой, заметать следы убийства сочного цитруса. Периодически он посматривал на меня, воображая, как я подкручиваюсь на вертеле, облитый этим самым оранж-соком, истошно вопя.

Оставив его наслаждаться зрелищем в одиночку, я заглянул в уборную, пригладил взъерошенные от возни волосы, кое как обсох, обсушился и вернулся в холл. Появилась моя команда. Ребята возились с диджейским пультом, до этой поры прячущимся в больших чёрных с металлической обивкой ящиках на колёсах. Подключали колонки. Пришло время для шоу, но гостей было не густо. Детей повели спать. Пришла группка немецких пенсионеров, разместившихся на полукруглом кожаном-чёрном диване. Они закудахтали, застрочили на своём баварском, вооружившись пивом. И появился бармен с заспанными глазами и опухшими веками. Должно быть, поднялся с пола из-под стойки, где дрых в ожидании посетителей. Тело водрузил на табурет, а подбородок подпёр ладонями, похоже продолжая спать сидя.

– Алекс, гест фор зе шоу. Гив информасион, йя, файнд гест. Давай, – зашипел Боб, отправляя меня на поиски зрителей.

Делать нечего, я отправился искать публику для вечера, но где её разыскивать и как созывать, я не представлял, вернее, представлял, но смутно. Обошёл фойе отеля, вышел через другой вход на улицу, сделал петлю по межпальмовым дорожкам. По пути мне попалось несколько человек, половина из них была обслуживающим персоналом. Кое-где мне чудилась крадущаяся с кинжалом фигура человека-мишени. Я пролепетал встречному господину что-то про шоу, но этот джентльмен – тоже оказался нерусским, он так и не понял, что от него требуется. Сначала он подумал, что в его номере пожар или ограбление, поэтому мне ещё пришлось минут пять объяснять ему, что всё нормально, всё окей, бегать в панике с выпученными глазами срочной надобности нет.

– Лобби бар, велком, – говорил я ему. – Ивнинг Шоу фор зе гест, фо ю.

Английским он тоже не владел и за шоу принимал чью-то фамилию, типо Бернарда. Потом он принял меня за персонажа из каких-то своих европейских фантазий и стал всовывать мне карточку от своих апартаментов. Что он этим хотел: чтобы я прибрался, починил сток в душевой или принёс ему бутылочку коньяка из мини-бара я не понял. Мысленно обругал последними словами его тупизм и вернулся по той же траектории обратно в лобби.

– Ноу гест, – сказал я Бобу. В ответ он сделал страшное лицо, словно я прирезал его любимую молочную свинку.

– Вай, йя? Вот тис мин? – спросил Боб.

«Что это значит, что значит – нету никого вот и всё», – вот привязался, и как мог так и объяснил шефу провал миссии.

– Какашка, – доходчиво обрисовал ситуацию Мусти.

– Алекс, йя. Гоу, гоу, гест! Ви нид тен о фифтеен пипл. Файнд зем. Проблем вар, йя? – не унимался Боб.

Задрал ей-богу. Говорю же нет гостей. Где же я разыщу ему десять – пятнадцать человек, если я одного еле наскрёб, да и тот не бельмеса не понял. Хоть в номера стучись и приглашай. Я снова отправился проторенной дорожкой, но на этот раз завернул в уборную и перекаптался там подольше. Когда вернулся и «порадовал» шефа отсутствием результативности похода, Боб лишился второй любимой свинки.

Время тем временем перевалило через отведённое для начала шоу время и двигалось дальше, не обращая внимания на нашу суету. Боб сделал знак, что начинаем. Я не знал сценария, как себя вести, что исполнять, где встать, поэтому сделал лицо попроще и просто прислонился к стене. Джан развалился на плетёном кресле, Мустафа присел за пультом. Боб и переводчик Егор на турецком, английском, немецком и русском объявили о начале шоу. Немцы, единственные живые люди в лобби кроме нас и спящего бармена, довольно вяло отреагировали на это шумовое событие, которое заглушило их междусобойчик и с гримасами недовольства покосились в нашу сторону. Бармен не изменил выражение лица, продолжая плавать в водах первичного эфира. Боб же недовольство старой немецкой гвардии решил не замечать и зычно возвестил, что «мы рады приветствовать дорогих гостей в Роуз Отеле и приготовили для них шоу с веселыми конкурсами».

Лично я не понял ряд моментов. К примеру: зачем долдонить то же самое на недоидч языках (ну турецкий ещё куда ни шло – чтобы бармен был в курсе дела, но английский и русский языки зачем? – не для меня же) и тем самым ещё больше раздражать представителей германского государства, считающих их язык единственно подходящим для обитания лингвистической средой. И второй момент: какие-такие развесёлые конкурсы мы собирались провести с этими божьими одуванчиками, которые от резких движений могут преждевременно отойти в мир иной.

Родоначальники «Октоберфеста» и фанаты Магдалены Нойнер очевидно, пришли к тем же выводам, поэтому ещё более раздражённо и недовольно покосились на нас. «Натюр-морт – пять сморщенных груш», – пришла мне на ум аналогия.

– Какашка, – раздался шёпот со стороны диджей пульта.

Но Боб, как шеф, определённо разбирался в вечернем развлечении лучше меня – человека, не проработавшего в анимации полдня. Я посмотрел на Егора. Он был где-то на своей волне, может быть бродил в зарослях конопляного поля, вызывая джинна. Он лучился весельем, микрофон почему-то смешил его, а вид пожилых оккупантов вообще вызывал истерику.

– Алекс, йя, экшен, экшен! – зашипел Боб, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

«Озеленеть можно, какой к чёрту экшен может быть применим сейчас?»

Я бодро, насколько мог, прокричал: «Эхей!» – похлопал как дурачок в ладоши и исполнил что-то наподобие комаринской, то есть простучал себя по коленкам, голени, пяткам, груди,

предплечьям и выставил вперёд правую ногу на пятке. Егор забулькал и облизал микрофон. По виду Боба я понял, что это не то, что он ожидал. Так я оказался косвенно виновен в гибели его третьей и самой любимой свинки. Но предложить нечто иное не сумел. Ничего не придумывалось. Внутренняя диспетчерская молчала.

Пара немцев с чуть большим интересом посмотрела в мою сторону, поэтому я повторил свою репризу. Интерес угас.

Боб тяжело задышал и зашипел мне, – «Чеас, йя, чеас».

Не ожидая от себя такой сообразительности, я сумел перевезти это шипение. И, понукаемый Бобом, поставил на нашу импровизированную сцену, которая представляла из себя часть пола размерами три на три, огороженную с одной стороны столиками, с другой барной стойкой, одинокий стул.

Боб возрился на меня как на идиота, сделал пару судорожных вдохов и продолжил на своём змеином.

– Мооо чеас, йя, салак.., – видно позабыв опустить микрофон, он распространил этот звук потустороннего мира на весь холл и даже бармен вздрогнул, пробудившись ото сна.

– Ещё сту-стувьев! – заботливо перевёл Егорка в усилитель голоса, согнулся пополам и со словами «утя, утя» стал крошить хлебные мякиши из кармана.

До меня уже дошло осознание, чего хотят шефы, и я добавил ещё три стула для надёжности. Боб задышал в более спокойном ритме, Мусти ободряюще показал мне большой палец. Не, а трудно было объяснить мне до начала шоу, что тут будет происходить и что от меня потребуется.

– Для нашего шоу нам нужны четыре участника, – бодро завопил Боб на-турецком и немецком. Егорка подхватил клич и транслировал, нервно хохоча, до появления слёз в глазах. Если бы я не видел этого воочию, не поверил бы, что такое может происходить в жизни. Действительно шоу.

Шоу идиотов. Но оценивать весь комизм ситуации, находясь в роли мальчика для битья, на тот момент мне было сложно.

Боб, не чувствуя энтузиазма и инициативы предполагаемых участников со стороны зрительного зала, старательно игнорирующих всё, что происходит на самодельных подмостках, зашёл с этой фразой про комсомольцев-добровольцев на второй круг, ещё громче и чуточку более злобно.

Бургеры со стажем словно ждали этого повтора и дружно поднялись с насиженных мест. Я опешил, неужели что-то состоится. Но бундес-тим, не оправдывая наших чаяний, нервно кудахта, как потревоженные пернатые, со всей возможно-предельной старческой скоростью засеменяли к выходу из опасной для барабанных перепонок шумовой зоны. «Вот вам и Бонч Бруевич», как любил говаривать один знакомый студент исторического факультета.

– Пипетс, барсуки, – донеслось со стороны пульта.

Через лицо Боба наружу стали выступать пунцовые пятна, как предвестники беды.

– Алекс, йя, тайкит бяк! – я с немим осуждением и укоризной посмотрел на него, но наткнулся на гневный оскал и устремился вслед за немцами, марширующим отступлением.

История про моё якобы матросское прошлое здесь вряд ли бы возымела возвращающее действие. Поэтому я, обогнав их, прибегаю к помощи верного «ахтунга», отчаянно указывая за их спины, где задышался Боб, неестественно хихикал Егор и невозмутимо разговаривал по телефону Джан. Но, подобно морской волне, огибающей рифы, тевтонский строй семенящих пенсионеров миновал меня. Оставалось только прибегнуть к запасному варианту.

– Ком цу мир, май дарлингс, – выпалил я фразу, возникшую на внутреннем информационном дисплее.

Но мои дорогие дарлинги, подобно стайке мышей зачарованные сказочным крысоловом двигались всё дальше от меня.

– Дер клуге хунд! – завопил я, отчаявшись их привлечь обратно. (Der kluge hund (нем.) – умная собака)

Строй остановился, я вновь увидел грушевидно-сморщенный натюрморт и удостоился неодобрительных покачиваний седовласых голов. Да я и сам понимал, что собака-вундеркинд здесь ни к селу, ни к городу, но мой лексический запас истощился.

Поникий, я вернулся к «своим». *Feci quod potui faciant meliora potentes* – даже не прибегая к переводу с великого латинского, можно понять – я сделал все, что мог. Кто может, пусть сделает лучше. Так думалось мне, но, естественно, Боб так не считал. Мне показалось, или между нами действительно пробежало чёрное животное размером с телёнка и исчезло в перегородке барной стойки. Бранясь, он снял туфлю, отчего пахнуло жареным, этой пахучей туфлей стал лупить по спинке дивана прибегая к парафольклорным выражениям, потом покусал туфлю зубами, нашёл, что съедобного в этом мало, о чём неустанно ведал исходящий от неё аромат, и снова дубасил диван, пока не выдохся. Затем, тяжело дыша, дал Мустафе знак:

– Клаб Дэнс.

Джан разорвал объятья с креслом, присоединившись к нам. Мы исполнили зажигательный клубный танец пяти придурков, под быструю латинскую музыку перед пустыми диванами и окончательно погрузившись в дрёму барменом. Вернее танцевали четверо, я запоминал движения и на заднем фоне пытался их повторить. Оценить наши старания было некому, оно и к лучшему, потому что в сумме за технику и артистизм мы не набрали бы и на единицу.

Боб сделал объявление диванам, что приглашает всех желающих на ночную дискотеку в «Пентхауздиско», которая проходила здесь же на нулевом этаже Роуз отеля. Егорка перевёл. Опять же, для кого эта информация предназначалась непонятно. Как будто с привидениями работаем.

А может это был сигнал для бармена, который исчез с табурета, наверное снова примостившись под стойкой.

Затем начали разбирать аппаратуру, чтобы спустить её на вниз, на дискотеку. Мустафа шепнул, что это было лучшее шоу месяца, по количеству гостей и по длительности проведения. В прошлые разы не было даже немцев.

И тут появилась Натали.

– А где вечернее шоу? – удивилась она. – Боб, нерде шоу?

Задетый за живое таким бестактным вопросом Боб, потерявший за один вечер всех любимых животных, помимо трёх свинок на моём счету, разозлился, бросил складывать шнур от микрофона и разразился гневной тирадой, часто упоминая моё имя. Очевидно, сваливал весь провал на меня. Что-либо возразить я опять же не мог, поскольку речь велась на ипчесельмешикызкумар-ском. Выслушав Боба с каменным лицом, Натали одним взглядом остановила его словоизлияния и обратилась к Джану. Тот, видимо, более адекватно обрисовал ситуацию и указал на независимость от нас причин фиаско.

– Собирайте гостей на дискотеку, – обратилась она к нам. – Алекс, Боб тобой недоволен. Жалуется, что плохо работаешь, не налажен контакт с гостями. Ты как считаешь?

Ну, я не стал вести себя как маленький обиженный мальчик, обеляя себя, хотя какой-то вины за собой совершенно не чувствовал. Более того, всё происходящее напоминало мне фарс, комедию положения, было чуждым моему пониманию и представлениям о работе аниматора и происходило будто бы не со мной.

Да и в целом дела у меня обстояли неважно. Не будь я так финансово стеснён из-за идиотской покупки запредельных по цене гламурных солнцезащитных очков в московском дьюти фри, будь он трижды-пятижды неладен, я, быть может, обрисовал бы Натали ситуацию, как вижу её я, выдал бы Бобу парочку хуков с правой. Возможно и одного было бы вполне достаточно, а затем отправился обратно в аэропорт хозяином своих поступков.

Но сейчас я был заложником положения, оставшихся денег на билет до дома, чувал, что не хватит. Вариант с автостопом и собачьими упряжками здесь не сработал бы. Выход был – временно смириться с самодурством турецкого начальства, косить дальше под Иванушку-дурачка, дожидаться первой зарплаты. А потом уже показать могучий русский дух, кулак и несгибаемую волю славянского народа.

– Да я стараюсь, Натали. В Египте мы малость по-другому работали. Немного времени надо на адаптацию, – ответил я на упрёки.

– Ну хорошо. Если что, у Егора спрашивай, он подскажет. Боб, действительно шеф своеобразный. Но он раньше с Уром в команде работал и тот одобрил его кандидатуру шефа.

Похоже, Ур просто прикололся, да и на то, что Егор подсобит с советом, рассчитывать не приходилось. Легче у живого носорога разрешение на изготовление собственного чучела выпросить. Что же, будем вариться в этом котле непонимания дальше.

Между тем долгий день всё никак не желал заканчиваться. Мы перетащили колонки этажом ниже в помещение для дискотеки. За нами переместился и намагниченный бармен. Стойка имелась и там, и он занял излюбленную позу дремлющей старушки, прикрыв сонные очи волосатой рукой. Описывать особо нечего, такой диско-зал можно встретить в любом заштатном клубе провинциального городка. Рассчитанный максимум человек на 50 – это предел по вместимости, да и то при условии, если публика будет находиться в положении для прослушивания национального гимна – стоя и не двигаясь. Массивный серебряный, на четверть обколупанный шар под потолком и скользкая плиточная зона для танцев со следами мыльных разводов под ним. Окошко диджея с деревянными ставнями, покрытыми обсыпавшимся лаком, с колонками по бокам и парой световых лампочек на фанере. Джан, Мусти и Боб занялись саундчеком.

Я последовал совету Натали и обратился к Егорке, восседающим за барной стойкой:

– Что надо делать?

Он уставился на меня, словно видел в первый раз.

– Сашка, ты что ли? Откуда, какими судьбами? Как отдыhalово – ништячно?

Но мне сейчас было не до придуривания. Меня недавно пытались смещать с землём, спустить по карьерной лестнице в самое дальнее подземелье, принизить в рамках трудового кодекса гастарбайтера и при этом наплевали в человеческое достоинство, лишив возможности поквитаться.

Но то ли Егорку не отпускало конопляное поле, то ли он почему-то проникся ко мне неприязнью, словно я крепко насолил ему в другой жизни, но нормально общаться он не собирался. Для меня такое принципиальное отношение было в диковинку. В жизни встречались неприятели и злопыхатели прежде, но у них на то имелись объективные причины. Я про них знал и мог логично объяснить сам факт возникновения неприязни. Но тут – одна команда, одни задачи – к чему такое предвзятое поведение. Словно Егорка был выраженным расистом, а я восставшим негром, в революционном восстании отобравшим у него святая святых – *sancta sanctorum* – конопляную плантацию.

Осознав бесполезность поговорить с ним как с представителем вида *homo sapiens*, я снова отправился в обход по территории, подальше от начальственных глаз. Так как вряд ли мне, на моём положении армейского новобранца, позволили бы оставаться в стадии ничегонеделания, протирая барные стулья, подобно Егору.

Стемнело ещё больше. Белесые барашки волн уже не различались, и сменился охранник, который долго ко мне докапывался, почему я разгуливаю без отельного браслета на запястье и кто я вообще такой. На все лады я произносил анимация, анимасьон, анимайшен, аниматоре, но Муххамед притворялся столетним дубом с отрицательным айкью. Лишь настойчиво повторял что-то на своём местно-аладинском. Мои «ништферштейны» и «нонандестанды» не помогали, он продолжал проводить экспресс обучение турецкому языку методом безостановочного

вопрошания, успевая по рации связываться с начальством, может просил прислать подкрепление, ссылаясь, что он поймал опасного террориста, а может просто болтал с дальними родственниками из Таджикистана о погоде. Шайтан их понимает, этих турков.

В этот день я уже пресытился по горло и выше одного янычарами, османами и прочими изобретателями рахат-лукума. Поэтому я дошёл до того, что на русском поведал ему о чокнутом Бобе и обкуренном Егоре. Перешёл затем к самому Муххамеду, подробно описал его внешность с точки зрения карикатуриста, затем шаржиста и бухого мультипликатора. Указал точные размеры мозга, близкие к таковым у некоторых представителей отряда беспозвоночных, а заодно и размеры детородных органов, для изучения коих потребовалась бы дополнительная увеличительная техника. Открыл глаза на тёмные страницы его биографии, включающие очень не правильную с точки зрения моральных и религиозных принципов любовь к мужчинам, к животным, в частности парнокопытным, к инопланетянам, пленникам инопланетян, инопланетным животным, коллекционированию конфетных фантиков и вязанию крючком. Перевёл дух. Заметив заинтересованность, продолжил биографией его семьи и предков до пятого колена. Объяснил возможные причины его появления на свет, не связанные с интимным контактом между мужчиной и женщиной. Затем признался, что я не только террорист, русский шпион, социопат и враг всех объединённых сил секьюрити, но и послан из будущего самим Джоном Коннором, для того, чтобы новых страниц в тёмной биографии Мухаммеда не добавлялось. Да и вообще – запечатать навеки вечные его книгу жизни. Снова отдышался и вернулся к фактам биографии уже его прошлых жизней, в виде простейших представителей животного мира, типа червей и их личинок. И остановился на том, как он закончит свою ничёмную жизнь посреди лотков с гнилыми апельсинами с грязным валенком промеж обратной стороны желудочно-кишечного тракта по отношению ко рту. И это валенок будет принадлежать не кому-нибудь, а самому посланнику Джона Коннора, то бишь мне.

Живописание было немного затянутым, но упускать подробности я не имел права. Николай Дроздов был бы горд такой речью, содержащей упоминания множества нозологических единиц многообразия живых видов, как на латыни, так и в простонародном переводе, прозвучавшей из уст его ученика, каковым я, к сожалению, не являлся. И, быть может, дал бы рекомендательное письмо на членство в почётной зоологической академии. Как ни странно, этот экспрессивный монолог произвёл эффект на Муххамеда, он заулыбался.

– Чего ты лыбишься-то, товарищ басурманин, олигофреническая ты овца? Среди апельсиновой пажити, источающей смрад великий, воистину тебе говорю, будет возлежать тело твоё заблудшее, закореневшее в грехах многочисленных, ибо порождением хаоса оно является и с хаосом воссоединено будет. Аминь.

– Анимейша?! – вдруг разверзлись хляби земные, распахнулись врата небесные и редкостного осла ибн Мухаммеда осенило. А я ведь уже стал считать имя Мухаммед как синоним человека умственно отсталого.

– Анимейша, анимейша, едрить твою в качель, лавашом тебе по носу. Пять баллов за сообразительность. Допёрло, чурка нерусская, с кем связался, – уже не мог я просто так остановиться. – Так что, верблужий сын, отпусти меня по-добру по-здорову, а не то довершу начатое князем Николаем I и контрибуциями не отделаешься.

Мы пожали друг другу руки и я, сопровождаемый ночной заморской луной, вызывающей приступы зевоты, и, как мне казалось, уважительно глядящим вслед Мухаммедом ибн Придурковичем зашагал обратно.

На дискотеке царило уныние. Бармен занимался верным делом, отточенным до совершенства – пребывал в объятиях морфея. Егорка клубился в компании двух схожих по страстию к психотропным веществам юнцов. Лампочки мигали, обколупанный шар крутился. Боб неожиданно сказал, что я: «Алекс, ю кан гоу, йя», – могу идти. Я не стал уточнять направ-

ление удаления, вдруг я его неверно понял, и вместо удаления в опочивальню, мне надлежит удалиться из жизни Боба насовсем.

И вот я уже очень скоро выходил из отеля. Вдохнул свежий воздух, грудь заохлодело, по плечам и спине пробежали сырые мурашки. Мой взор обратился вдаль, туда, к освещённым призрачно-ночными гигантскими светильниками. Мерцающим и будто подмигивающим мне. То был свет от других отелей, которые компактно гнездились на протяжении нескольких километров вдоль дороги, уходящей от моих стоп в неизвестность.

Быть может, там мне было бы суждено познать счастье и вдохновение идеальной работы, предначертано познакомиться с нормальными аниматорами – братьями Иванушками и сестрицами Алёнушками, такими же homo romanticus, увлечёнными спортом и весельем как и я, готовыми принять меня в команду без испытания бойкотом, злобными огрызаниями и пустыми придирками. Готовыми делить вместе бассейн и море, обед и ужин, сообща придумывать забавные розыгрыши для тупонепробиваемых секьюрити и квёлых туристов. Пока эти незатейливые розово-сопливые образы роились в уставшей от напрягов первого рабдня голове, я услышал шаги за спиной.

– Алекс! Давай, кусно, – Мусты протягивал мне что-то вытянутое в салофановой оболочке, величиной с ладонь.

– Какашка? – переспросил я, улыбаясь.

– Не – это пипетс. Какашка не кусно, я знать какашка. Это кусно, давай.

Действительно, бутерброд с ветчиной, сыром, томатами, водружёнными между двумя тёплыми прожаренными кусочками свежего мягкого сдобного хлеба, был пипетс каким вкусным.

А ведь, кажись, я чуть было не дал слабинку, разнюнился, когда всё не так уж и плохо. Где же боевой дух, наследие Вальтера Скота и Александра Дюма, где воля к преодолению трудностей и непризнание невзгод? Отставить сопли Алекс-фигалекс.

– Боб сегодня катастрофа, Алекс. Что это? Что это шоу – гость нет сегодня. Дурачок, Боб. Боб шеф капут – Ур харошо. Сейчас отель плоха, гест – капут. Сейчас работать нет – плоха. Потом харашо. Скоро много гёрлфренд. Джага-джага еври найт, ноу слип, – завернул тираду даритель бутерброда.

Как можно «ноу слип еври найт» в то время я представлял с трудом. Веки слипались, голова кренилась на грудь, даже зубы были готовы уснуть на перемалываемой мякоти бутерброда. В таком состоянии закончился мой первый день в Турции.

Глава-продолжение

Подлинными Британскими учёными доказано, что прочтение нараспев этой главы вслух перед зеркалом, с зажжённой свечой в руке, уж точно вызовет недоумение у лиц, проживающих с вами в пределах одной жилплощади.

Вчера я, оказывается, как-то сумел завести будильник на телефоне, и его звук вырвал меня из сна-паралича. Как это часто бывает, просыпаясь в незнакомом месте, с трудом вспоминаешь где ты, но потом волновые гигабиты воспоминаний накатывают, и накрывает с головой. Сначала я почти захотел оказаться дома и даже мысленно попросил об этом дедушку Мороза, его верных оленей и других божеств северо-запада. Но нет, я был не дома. Во рту языком нащупал что-то чужеродное, извлёк пальцами влажный пищевой комок с остатками помидора. Да – всё же уснул, не доев гамбургер.

Через окно уже всюю щипало глаза солнце. Доносились звуки с улицы, незнакомые перебивки на чужеродном языке, скрипение колёс, шумы перемещений по асфальту. Хлюпанье, словно кита свалили в пустой бассейн, и он яростно пускает фонтан, мечтая выбраться и расправиться с обидчиками.

На соседней кровати было разбросано чьё-то тело в одежде. Руки, ноги переплелись, где-то между подушками пряталась голова. Я даже вначале подумал, что там несколько персон, но, при более тщательном визуальном анализе и методом пальцевого тычка, пришёл к выводу, что тело одно. Живое или нет, мужское или женское, кому оно принадлежит и можно ли его сдать как телотару в пункт приёма баксов за 300, вот были начальная опись вопросов.

Я вскоре умылся, оделся и только после этого приступил к осмотру. Тело издавало лопочущие протесты на турецком, предприняло вялые попытки отбиться и зарылось ещё глубже в кровать, насколько это было возможно, почти растворившись среди белья. Я успел опознать Егорку, совершил ещё пару пробуждающих атак, использовав базовый арсенал побудника с тремя тычками и одним лёгким пинком, но безрезультатно. Ну да ладно, не маленький, сам очухается и выползет из конопляных зарослей Морфея.

Вышел на улицу, миновав прохладу пустого фойе. Да, уже начинало припекать солнце и это в девять-то утра. Красота!

Рядом с отелем уже копошился народ. Истерично бибикая, пара икарусов маневрировала у шлагбаума, пытаясь одновременно заехать на узкий пяточок двора. В туннель бункера, находившегося сбоку от входа, въезжала продуктовая фура, возле неё суетились с тележками темноволосые ребята-разгрузчики в светлой робе персонала. В будочке бездельничала охрана, оживившаяся при виде меня.

«Вот блин, опять на полчаса разговора – опознание и идентификация личности будет. Так и на завтрак опоздаю», – подумалось мне при виде улыбающихся из окна смуглых чернявых рож.

Но повезло, одна из рож принадлежала вчерашнему знакомому

– А, анимейша. Алекс, насыл сын?

Что такое «насыл сын», я уже знал, но ответные фразы на – «как дела» – до сих пор не выучил, поэтому ограничился приветствием:

– Мерхаба.

И тем самым спровоцировал новую волну:

– Мерхаба, бу не? Гюнайдын, Алекс, хош гельдиниз. Насыл сын?

Вот ведь пристал Муххамед.

– Гуд, гуд насыл сын. Ка-ро-шо, верблюжий сын. Вери карошо, – но он не отвязывался.

– О, карошо, тамам, – опять заулыбался вчерашний дотошник. – Бу не, вериблюжаны сын? Вот зис? (что это).

Опс, должно быть случайно вырвалось.

– Это карошо! Верблюда сын – итс гуд! – но пояснить, что это «кэмэл сан», я не стал, пусть думает, что это непереваемое с русского очередное доброе слово.

– А, вериблюжаны сын – карошо. Тамам. Нерейе гидилир?

Вот что это началось опять? Неужели не понятно, что я не кумекаю ещё на вашенском гирилбилуре.

– Муххамед, всё уже, заканчивай. Привет от Джона Коннора. Я кушать иду. Гоу то ит, брекфаст, андэстанд? – только после активной пол-минутной жестикуляции руками и ртом, он понял, что я намереваюсь позавтракать, а то был бы непрочь болтать тут полдня. Им то что, пока угрозы никакой нет, то и работа не кусает за пятки. Прохаживайся туда-сюда, да делай строгие гримасы. Свежих сканвордов не завезли, вот и надо себя как-то занять.

Когда я уходил, он яростно задискутировал с напарником, кажется по поводу Джона Коннора. Это вызвало у меня усмешку. Такое довольное славянское лицо я и увидел в отражении от зеркальных дверей главного корпуса.

Далее меня ждал шведский стол к которому у меня уже начинала вырабатываться привызанность, в виде умеренного слюнотечения.

Пройдя тест на раздражительность в виде однообразных вопросов «насыл сын?» от поваров и гарсонов, я сумел завладеть провиантом. Подкрепился чудным омлетом на два яйца, с вплавленным в него сыром и ломтиками ветчины, украшенным по бокам сочными овощами. Пара круасанчиков с абрикосовым вареньем продлили гастрономический изыск провинциала.

«А что, жить можно», – пришла телеграмма из желудка, с которой я охотно согласился.

Насколько помнил, мне предстояло провести зарядку. Где это будет происходить и как, пока смутно представлял. Для правильной коллективной зарядки нужны три сослагаемых успеха: 1-музыка, 2-полянка и 3-люди.

В Египте я видел, как девчонки на лужайке проводили стретчинг – утреннюю растяжку. Собиралось несколько туристок с полотенцами. Мужчины это мероприятие принципиально не посещали, только просматривали издали. Или вблизи, если было кого просматривать. Тут же на лужайке появлялся магнитофон-бумбокс и под лёгкую музычку дамочки разминались, повторяя за аниматоршей нехитрые телодвижения.

Мест на территории отеля, которые могли бы выполнить роль такой лужайки, я пока не встретил, обойдя корпуса раза три. Либо это были маленькие газончики травы, либо, достаточные по размерам лужайки, но с препятствиями в виде пальм и колючих кустарников, либо непроходимые заросли. Я по-тихому запаниковал, поскольку время приближалось к 10-ти, а я всё ещё был в подвешенном состоянии без необходимых составляющих успеха.

Да и что толку, если я соберу людей, музыкального сопровождения то всё-равно нет. Вот и будет убогое зрелище. Если была бы музыка, можно ещё было бы выполнить бодрый марш, спортивную ходьбу на месте или вокруг бассейна и плавно перейти на водные процедуры. Да и придумать, чем заняться, не проблема, но в тишине зарядка представлялась мне чем-то мрачным и не подходящим по жанру к развлекательному курорту, нечто вроде армейских отжиманий и подтягиваний или уроков школьной физры в обществе физрука старпёра детоненавистника. После такой зарядки инструктора, как правило, закидывают гнилыми помидорами, тухлыми яйцами, варёным луком и жёванной морковкой, валяют в смоле, пластилине и перьях, сжигают наполовину на костре. И напоследок, привязав якорь к шее, с осиновым колом в сердце, цементными ботинками на ногах и камнями в почках, топят в колодце с нечистотами под «Прощание славянки».

«Хоть самому пой и упражнения при этом показывай. Сельхоз зарядка, млин. Да где же все-то?»

В столовой появился Мустафа – сын востока. Для меня сие прибытие представлялось не меньшим по значимости, чем явление Христа народу, или «прибытие поезда» братьев Люмьер.

– Help, Мусти, тайм из гоинг. Morning gym. I need music and place, – выплясывал я круги вокруг, выглядевшего вчерашне-помятым, представителя нерабочего пока класса.

– Алекс, релакс. Астарожна, – Мусти был невозмутим не просто как удав, а как удав-даос.

Время шло, он насыщался пончиками, а я продолжал мысленно обливаться холодным потом. Работа прежде для меня была делом, к которому я подходил со всей ответственностью, не в силах пустить всё на самотёчный авось. Не сдать проект вовремя, отстать от запланированного графика, уйти домой с отягощённой совестью, что-то не закончив к сроку, отложить вынос мусора на неделю, а стирку носков на месяц, представлялось мне весьма постыдным, недостойным и немислимым. В этом плане я был зануден и зауряден. Эта черта характера нередко раздражала и меня самого, превращая поговорку – «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» – в рабочее кредо. Другое дело, что трудоголиком я не был и за самой работой ради работы не гнался, а вот если уж взялся, то норовил довести до ума. Вот и сейчас, если зарядка должна начаться в 10-ть, то в 10-ть она и должна начаться. Любое отклонение от этой аксиомы для меня с точки зрения ответственного товарища-работника в ту пору было бы фатальным.

– Окей, Алекс, сейчас можна. Только релакс. Тиха-тиха, – отодвинув пустое блюдо, молвил Мусти. Он, похоже, догадывался о гамме чувств, бушевавших внутри меня, но не в его менталитете было спешить, торопиться и добавлять лишней суеты к этому миру. Поэтому он затянулся сигаретой, с чувством, толком, расстановкой, довёл её до фильтра, придиричиво его осмотрел, удивляясь, что это удовольствие оказывается не вечно и исчерпаемо, и только после этого оторвался от стула.

Ещё полчаса мы потратили на то, чтобы найти ключ для дверей и транспортировать огромные колонки и диджей пульт из «пентхауса» к тихому бару возле кальянной. Мда, с аппаратурой здесь нехватка. Закатили пульт за пустующую барную стойку возле шатра. Мустафа завозился с проводами от колонок, чертыхаясь вслух.

– Йя, Боб – катастрофа! Что это? – так он выражал своё недовольство тем, что на дискотеке Боб сам предпочитал возиться с аппаратурой и музыкой, ставя свои любимые записи, тем самым нарушив какую-то мудрённую взаимосвязь проводов и контактов.

Я же старательно запикивал диск со своей музыкой в CD-проигрыватель, но тот ни в какую не хотел читаться техникой «made in Turkey». «Трижды блин, вот засада зоосада», – у меня там была и зарядка по трекам и аквааэробика и ещё примочки разные, да и просто музыка хорошая, на все случаи развлечений, от детских капустников до войны в персидском заливе. Всё в отдельных папках, пронумеровано. По наивности, я представлял, что здесь у диджея водится ноутбук, а не допотопные пульта и комиссионные проигрыватели, не читающие dvd-диски. «Фиаско! Фи-фи-фи-фиаско», – прилип навязчивый припев, на мотив какой-то популярной некогда песенки.

Время уже подходило к 11, как на горизонте появился заспанный Боб в неизменной бандане по-пиратски, в чёрной футболке, джинсах и штиблетах, подобный чёрному ворону. Увидев нашу возню, он приосанился и заковылял к нам, прихрамывая на правую ногу.

– Монинг джим, увсё? – спросил он.

Мустафа разразился тирадой вроде того, что он в гробу видел «монинг джим», этот презренный пульт, и тех безруких австралопитеков, которые в нём вчера ковырялись. Похоже, я стал больше понимать по-турецки. Боб сначала опешил, потом выдал тираду в ответ, гораздо большую по объёму. В ней он словесно уложил в пресловутый деревянный ящик, именуемый гробом, всё население земного шара и прилегающих планет, а заодно и безруких земляков, чьи

умственные способности не дотягивают до права называться людьми, и тем самым не имеют права пинать дорогое диджейское оборудование. Затем Боб переключился на меня.

– Алекс, йя, нэрдэ гест?! Морнинг джим, йя! Давай работать, йя. Проблем вар? – зашипел он.

Как в тумане я помчался к бассейну и пляжу. Не помню, что я говорил, как увещевал, какие доводы использовал, но мне удалось собрать где-то около 6-ти человек. Из тех двух дюжин, что вообще в такой час пребывали вне комнат отеля. И, представьте себе, больше половины из них были пожилые немки, пятнистые от вереницы прожитых лет. Пупырчатые как дымчатые леопарды, с пергаментными складками тел, свисающих через чопорные закрытые купальники.

С местом проведения зарядки тоже не сложилось. Кафельная, зашлифованная до блеска плитка, перед стойкой «тихого» бара это далеко не мягкий газончик. Фитнес-коврики, принесённые из анимационной, на ней безбожно елозили и скользили. А разостланные полотенца, не являлись надёжной защитой от твёрдой и холодной поверхности плит, но другой альтернативы не было.

«Большую часть упражнений проведу стоя», – решил я.

Осмотрел контингент, удивившись, как они вообще отважились прийти. Что я такого им наговорил. Неужто «иш бин матроссен» помог? Или наобещал бесплатные входные билеты в рай? Бундес-лига улыбалась, демонстрируя старческие дёсны. «Лишь бы не развалились на изношенные запчасти», – подумал обеспокоенно.

Тем временем возня с проводами продолжалась, звук никак не хотел появляться, где-то отошёл контакт. Дошло до того, что Боб и сам принялся пинать раритетный пульт, этот анахронизм, пережиток из прошлого и творение дьявольских сил. Кляйне-бабушки-одуванчики продолжали улыбаться, считая, что это часть представления в их честь, а может просто возрастной паралич лицевых мышц натягивал уголки рта вверх. Я не стал их разубеждать, что всё так и задумано, что варварский разбор пульта на детали не является импровизацией, улыбаясь вместе с ними.

– Алекс, йя, давай, «монинг джим». Катастрофа, йя, – зашипел Боб.

Вот и стоило мне потеть и переживать по поводу перформанса, похоже убогого зрелища не избежать, как не было музыки, так и не стало, трижды адский блин, мать всех перемать. Я гремел по всем трём пунктам: 1-место, 2-музыка и 3-люди. Беззвучная зарядка на кафельном покрытии с престарелыми грандсеньоритами. Ни одно из условий залога успешного мероприятия не отвечало требованиям стандарта.

Пытаясь сохранить улыбку, я отвернулся от сцены избиения пульта ногами, за который горячие турецкие парни взялись, уже с полным пониманием в лоу-киках, дуэтом чечёточников. И звуковым сопровождением, но не тем, на которое я рассчитывал, стали: пыхтение, обычные ругательства для концентрации, приглушённые стуки, скрежет непромазанных колёсиков, экзотические цветастые насыщенные выражения и мои «айнс, цвайн, драй, фиар». Последнее я неожиданно вспомнил на волне переживаемого волнения за свою первую блино-комочную зарядку. Память подсказывала, что это немецкий счёт из забытого, древнего как пломбир за 16 копеек, мультика – «Пчёлка майя». Видел я его в ранние школьные годы, а пробудить залежи памяти мне помогли старушки, похожие на ту нарисованную пчёлку своими грушевидными телами и приделанными матушкой природой к ним тонкими ручками и ножками.

Урок оздоровительно-реанимационной зарядки для пожилых продолжался. Кафель мало того, что был кафелем, он вдобавок был не просто скользким, а скользким как угорь, смазанный маслом масляным. И мне рисовались картины леденящего ужаса, как мои дойчебабульки поскользываясь, неловкими кеглями валяются с хрупких ножек. Бьются своими головушками с лихо закрученными, раскрашенными в яркие, маскирующие седину, фиолетовые, зелёные, розовые цвета локонами о кафель. И наступает – всеобщий апокалиптический пипетс и кака-

печная катастрофа, как продолжали предсказывать голоса за спиной на фоне стука и кряхтения.

Но нет, светлые силы были на моей стороне в это утро. Старушки уверенно держали равновесие, и мы уже вошли в ритм, бодро поднимали ноги в коленях, вращали плечами, даже осмеливались идти на лёгкие наклоны.

– Айн, цвай, драй, фиар, айн, цвай, драй, фиар.

Я представлял себя немецким главнокомандующим, обучающим молодых бойцов. Но при взгляде на золтен команден, меня разбирал внутренний смех. Это уже нервное.

Боковым зрением я увидел чёрную фигуру Боба, доковылявшего до колонки с аналогом взгласа «эврика», звучащего здесь как: «Йя, Мустафа сэн салак». Боб торжествующе размахивал свободным концом кабеля на манер служителя ранчо, намеревающегося захомотать резвую лошадку. Пару раз он попал по себе, почесал ушибы и продолжил пререкания с Мусти. Сдаётся мне, колонки просто не были подключены к соответствующему разъёму, а пропесоченный башмаками пульт невинен как слеза младенца. О том же поведал Боб своему приятелю, голосом Моисея отрекающегося от идолов. Мустафа что-то завозражал. Шеф с видом героя-победоносца воткнул штекер в разъём, и звуковой волной его тут же чуть не сбilo с ног, что вызвало новый приступ сквернословия и обилия экзотических цветастых выражений, острых как чилийский перец. Мусти быстро сбавил звук.

Я порадовался и вознёс молитвы всем известным мне богам, что бабушки были глуховаты к приливу звуковой волны, сбившей нашего шефа с ног, иначе мысленная картинка с двуногим кегельбаном и битыми головушками точно произошла бы наяву.

Тут я подумал было, что мои мучения окончились, и сейчас вокруг нашего оздоровительного оазиса разольётся приятная мелодия. Я перейду от цвай-драя к неторопливому тайчи. Все сферы бытия гармонизируются, и воздастся всем по заслугам.

Нет, нет и трижды-пятижды нет, йапыстырджи. Вместо музыки раздалось шипение и каркающий голос.

– Ван, тю, ван, тю. Чек, чек, демонстрацион, – и звук похлопывания ладони по поверхности микрофона. Это действие продолжалось несколько минут.

Я, продолжая показывать гимнастические движения бундес-лиге, повернул голову.

Боб крутил головку микрофона, дул в неё, Мустафа вращал тумблеры и щёлкал рычажками.

– Боб, Боооб, – шёпотом привлёк я внимание шефа, – гив сам квайт мьюзик.

И глазами указывая на своих подопечных, может он забыл, напомнил:

– Монинг джим.

– Йя, Алекс, вэйт нимножко, йя, что это такой? Я такой работать, йя. Я здесь шеф! Давай, работать можно. Такой работать нильзя здесь. Катастрофа, Алекс, – раздосадовался Боб, шипя в микрофон.

Я раздосадовался не меньше, но продолжал удерживать гримасу улыбки, разворачиваясь к грэнддамам. Словно, так всё и должно быть. Опять же ситуация была наисмешнейшая, происходи всё понарошку, или читай я это в книге, как вот вы сейчас. Но дело-то разворачивалось взаправду. Это была не поставленная комедия-спектакль, а рабочий косяк, как мне виделось, с затянутой зарядкой, к тому же начавшейся с явным запозданием. Косяк, в котором поспешат обвинить меня, как незащищённую знанием языка и местных законов сторону. А это грозило увольнением, которое (да уж простит мне критично настроенный читатель, повторюсь в четвёртый раз, вследствие важности сего момента) по причине недостаточности денежной суммы для полёта домой, могло окончиться тюремно-турецким заключением на неопределённый срок.

Саундчек закончился, и Боб начал выдавать столь «необходимый» сейчас «информацион» о нашей анимационной программе на сегодня. Турецкий, немецкий и английский занял

у него минут пять. Тут из шатров высунулась взлохмаченная голова кальящика, который, перекрикивая микрофон Боба, стал возмущаться нехарактерным для столь спокойного уединённого места безобразным утренним шумом, превратившим его медитацию в воскуриваемых парах яблочного табака. Судя по тембру и визгливым интонациям, кальящик Яша не стеснялся выражений и не затрачивал усилий на их подбор. Боб стал с ним соревноваться в эластичности голосовых связок и в знаниях околотуристических выражений. Шоу продолжалось.

Я автоматически делал упражнения. Тело работало автономно от мозга, само подбирая какие-то облегчённые комплексы. Одни движения сменялись другими, а сам раздумывал, слышат ли баварские пенсионерки возрастающую по накалу ругань по причине возрастной глухоты. Похоже, что не слышали, так как это карканье не вносило диссонанс в повторение движений вслед за мной, как могло бы быть в воспринимающей звуковые волны группе.

Кальящик Яша, опустошив лёгкие и выкинув часть мусора из шатра, включая всё те же использованные мундштуки и упаковки из-под табака, в нашу сторону, скрылся за тканью полога. Я прикинул, что минут 20 мы уже занимаемся и можно потихоньку завершать. Тут Боб приковылял ко мне с микрофоном, и, не обращая внимания на производственный гимнастический процесс, бесцеремонно стал тыкать мне им в лицо.

– Алекс, анонсиэшен, русиш.

– Announce? – переспросил я, не останавливаясь.

– Йес, анонсиэшен, йя, – начиная нервничать, заподпрыгивал Боб, – монинг джим, давай.

Увидел моё неподдельное изумление, сам проговорил в майк на скверном английском, что-то вроде: «Дорогие гости, сейчас мы ждём вас всех на утреннюю зарядку с нашим спорт аниматором Алексом. До начала зарядки осталась одна минута», – после сказал уже мне:

– Translate, йя, что это? – и снова ткнул в лицо микрофоном.

Я подумал, что он шутит, потом – что издевается, но Боб был серьёзен, как агент фсб, и раздражён на весь земной шар и на упрямого Алекса-катастрофу в частности.

Верхняя часть головки микрофона была раскурочена, металлическая проволока торчала острыми концами в направлении губ говорящего и частично залита тёплой, неприятно пахнущей слюной. Выдерживая необходимую дистанцию подальше от этого опасного объекта уклонами боксёра, я перевёл приглашение на зарядку, закипая изнутри.

Затем Боб на своём «хошгельмельбель» и «аусшвайсебите» повторил приглашение. Из шатра вновь донеслась хула, нервная брань и мимо пролетел мундштук для курительной трубки.

Пенсионерки начинали сдавать, испарина выступила на их лицах, движения стали более замедленными, огонёк в глазах потухал, как у раздавленного под машинным прессом австрийца-шварцтерминатора. Пора было закругляться.

– Now we started morning gymnastic. Welcome! – продекламировал Боб в микрофон. И тут, о чудо, так кстати, появилась музыка.

Я поаплодировал бабушкам, как знак того, что они молодцы и достойно выдержали утренние оздоровительные тяготы.

– Зергут, даст ист фантастишь, – говорил я, когда они подходили ко мне, улыбаясь морщинистыми мордочками и благодарно дотягиваясь пальчиками до моих предплечий. На всякий случай проверил. Да – все головушки были целы. Ну и слава всевышнему и его команде ангелов-хранителей баварских пенсионеров

– Алекс, йя, это что? Давай «монинг джим». Рыз-дюва, рыз-дюва, цвайн-драй! – командовал Боб за спиной.

– Боб, its finished.

– Финишт? Что такой, йя? Почму финишт? – Боб искренне выглядел удивлённым.

Далее он опять перешёл на родной «бешельмеш-непонимеш» язык, негодуя и воздавая то ли славу, то ли хулу. Принялся плевать и топтать ногами, когда я подтвердил, что зарядка закончилась.

– Ай им шиф бурда, йя, – вновь вернувшись к понятным на меня словам, затрещал он. – Иф ай сай монинг джим, ю маст монинг джим. Проблем вар? Окей – ай вил мэйк проблем во ю. Сейчас багаж-дегаж, йя. Работать, Алекс, увсе!

Кипение внутри меня достигло апогея. Я взял его за грудки, подивившись, какой он лёгкий, словно высушенный изнутри. Встряхнул пару раз, но что-то благоразумное остановило меня от размазывания по стенке турецкоподанного. Должно быть, это что-то было Мустафой, повисшим на моих руках.

Отряхиваясь, Боб косо смотрел в мою сторону, взглядом, уже точно не сулящим карьерного повышения и зашаркал в сторону отеля. И тут мне померещилось, как между нами пробежало чёрное животное размером с верблюда.

– Эй, кашей полудохлик, куда захромал? Ком цу мир, нихтклюге хунд! Я тебе сам сейчас проблему сделаю, фасоль несвежая, – адреналин во мне ещё бурлил, пальцы рук мелко подрагивали, желаю ощутить в руках тощую шею.

Я прибёг к дыхательной гимнастике.

– Алекс – Жан клод ван Дамм, – радостно заявил Мустафа, похоже, не видевший в нашей маленькой разборке ничего страшного. – Вери гуд «монинг джим».

– Give me music before I start, and you will see real morning gym, – заверил я Мусти, что с надлежащей и своевременно-включённой музыкой я превращу это похоронное действие в реальную зарядку.

Этим же днём, на собрании, я ожидал новых разборок, вызванных ябедничеством, велением собирать багаж на выселение, но этого не последовало.

Натали ограничилась вопросами: «Как прошла зарядка и сколько человек было?» Я не стал чернить события, уже отойдя от гневных эмоций. Затем мам выдали именные бейджи на тесёмках, чтобы охрана не придиралась к отсутствию браслетов, которые носили туристы Роуз отеля, как знак своей причастности к лагерю «розовых» всевключённых. В тот же день полудня мы изготовили рекламный щит с расписанием анимационных мероприятий и водрузили возле сцены.

Боб приутих, но я чувствовал, что он так просто не сдастся. Придётся следить в оба глаза.

На следующий день я уже был во всеоружии и сразу после завтрака, в одиночку, перетащил колонки и пульт. Затем нашёл в столовой переходившего к финальной стадии завтрака – сигарете – Мустафу. На него произвело впечатление моё рабочее рвение и порадовало отсутствие необходимости волочить аппаратуру.

– Астарожна, Алекс. Работа что это – не волк, да? И в лес работа не надо, – предупредил он об опасности перетрудиться.

Но я не учёл, что ещё один человек также подготовился к утренней зарядке. Им оказался тот самый Яша, впечатлительный кальящик почтенных лет, но несмотря на года, обладающий буйным нравом молодого сапожника. Он перегородил нам дорогу и категорически отказался подпускать к электро-розеткам, угрожая перерезать кабели. Или пережечь их углями, после того как мы последовательно отобрали у него перочинный нож, бритву и осколок стекло.

– Алекс, это катастрофа, – печально молвил Мусти. – Ноу монинг джим тудэй.

Я предложил поискать другое место, где ещё есть розетки. Мустафа весьма неохотно отреагировал на эти предложения, собираясь погрузиться в черепашью дрему на пригретой ранним солнцем скамейке. Я вновь совершил нервную пробежку по территории. Место нашлось у другой барной стойки, принадлежащей бассейну с аквагорками. Всё-таки Мустафе пришлось потаскать колонки, что он проделал с великой скорбью черепахи Тортиллы. Столь же траурно-медленно.

Подключение на этот раз прошло успешно. Музыка зазвучала. Занимающихся набралось более десятка, и места возрастных дойдчледи заняли представительницы нашей родины среднего возраста. Всё шло удачно, восточная музыка отражалась от водной глади, мы занимались, расположившись полукругом. Минут через десять что-то неладное стало происходить со звуковым сопровождением. Вместо размеренной мелодии, позвякиваний колокольчиков ветра и главенствующей неспешности, появились танцевальные ритмы, задорные напевы. Я оглянулся, так и есть. У пульта орудовал Боб, злорадно поглядывая на меня. Я не сдался и сменил темп зарядки, превратив её из стретчинга в аэробику. Боб включил аранжировки для белли дэнс – танец живота. Я ответил ему набором из вращения таза, бёдер и плеч. Совсем неожиданно «бахнул» орган. Я счёл зарядку завершённой и перешёл к водным процедурам, прыгнув в бассейн. Отдыхающие восприняли это как пример и последовали за мной.

С той поры Боб не вмешивался со злокозненными мотивами в мои активити. Видно какой-то экзамен на профпригодность я всё же прошёл. А возможно повлияло на прекращение потребности к открытому противодействию со стороны шефа тот момент, когда я, спустя четверть часа после зарядки, якобы случайно, швырнул его в бассейн, встряхнув пару раз в воздухе.

Глава 4

На что внимательный читатель может возразить, что четвёртая глава уже была. На что я, в свою очередь, тебе внимательный очкарик отвечу: «Та глава называлась арбузной, поэтому четвёртая именно эта». «На что спорим?» – на очки?»

Потихоньку всё устаканивалось и забокаливало. Я с каждым днём всё более глубже погружался в пучину происходящего, ловил рабочий ритм. С Мустафой мы быстро нашли общий язык, он учил меня своей тарабарщине, я помогал ему с русским. Немцы мельчали в численности, русские прибывали и крепчали. Поэтому, человек умеющий объясняться на языке Грибоедова и Островского, а применительно к Турции – Якубовича или Трахтенберга становился актуальным, востребованным и поощряемым работником.

На «вериблюжины сынах», как они стали себя уважительно именовать с моей подачи, я оттачивал разговорные навыки с самого утра, следуя мимо охранно-пропускного пункта.

– О, Алекс, гюнайдын. («гюнайдын» – доброе утро. Перевод с турецкого. Примечание автора)

– Гюнайдын, Мухаммед ибн вериблюжинах. Насыл сын? – я до того обнаглел, что первым стал интересоваться делами секьюрити.

– Йя, Алекс, сен конушум турче? («сен конушум турче» – ты говоришь по-русски) – оторопело спрашивал тот.

– Эвет, вериблюжаны сын. Гюрюшуруз. («эвет» – да, «гюрюшуруз» – увидимся)

Поначалу, это вызывало дикие вопли радости, танцы вокруг меня с бубнами и лютнями, попытки брежневского лобызания, противостояния которым укрепляли мой плечевой пояс вместо зарядки. Потом восторженные эмоции поугасли, но доброе расположение я завоевал. Встретить людей из заморских краёв, мало мальски знающих твой язык любому басурманину приятно, а верблужьему сыну и подавно.

Повара в ресторане тоже не зевали. Юсуф, парень с телосложением борца смешанных единоборств и при этом обладатель гостеприимной улыбки, пытался обучить меня скороговорке: «йогурду сармисакласак тами сакласак сармисакламасак тами сакласак».

Разучивание заняло меня на несколько обедов. Когда я освоил эту путотень, то неизменно приплюсовывал к ней ещё концовку: «мазафак». Радость Юсуфа не знала границ. Когда я поведал эту пословицу Мустафе, тот долго смеялся, как над анекдотом, который рассказала блондинка. Но что в скороговорке такого смешного, не рассекретился. Заметил только, что йогурт и чеснок не следует держать в одном носке. Заштопанный юмор для избранных востоковедов одним словом.

Боб, как я отметил, перестал быть неадекватно диким и стал просто обыденно неадекватным. Натали и Ур, согласовав план работы, убедились – что наше дело правое, цветёт и пахнет. И вскоре нас покинули, вызвав всеобщий выдох облегчения, отправившись в один из отелей Алании, где работала другая группа подопечных развесёлых гастарбайтеров. Команда расслабилась, как я понял, вернувшись к прежнему режиму, который существовал до нашего приезда. Боб Бобыч раньше 11 не появлялся, Егор приходил к обеду, а Джана днём я практически не видел. Он совмещал функции ночного диджея и пребывал в «Пентхаусдиско» до трёх утра. Поэтому мы хозяйничали с Мустафой вдвоём.

У нас появилась диджей-будка дневной и вечерней анимации, вернее, она была и раньше, но временно не функционировала по причине аварийности. Аварийность никуда не исчезла, но те оголённые провода, проходящие по стенам и полу, которые разили раньше током, теперь были обмотаны изоляцией. Обмотаны на редкость небрежно, по-турецки, поэтому нет-нет, да и доносились из неё вопли схвативших немного переменного тока на свои конечности. Сама

будочка, или радио-кабина, являлась тактическим центром, равноудалённым от сцены, пляжа, бассейна и ресторана и вплотную прилегала к открытой танцплощадке, которая пока не использовалась для дискотек, ожидая более тёплой вечерней погоды. С крышей выстланной соломой, будка запиралась дверью. Но при необходимости, если какой-то мастер, обладающий чёрным поясом по сованию палок в колёса, большую часть суток разгуливающий в бандане, увлакивал ключ и скрывался, то можно было, при должной сноровке, гибкости тела и с сертификатом ниндзи, проникнуть внутрь или наружу через поднимаемые вверх ставни окон.

В радио-будке располагался собственный ди-джей пульт, по замшелости и избитости близкий к передвижному. Но его стационарное преимущество освобождало нас от утренних грузовых перевозок колонок из «Пентахаусдиско» к зоне проведения зарядки. Пульт подсоединили к навесным сценическим колонкам, от которых звук радио-анонсов мог распространяться и на пляж и в зону бассейна и проникать в ресторан, чего собственно от него и требовалось.

Поэтому утром я неторопливо поглощал завтрак на веранде ресторана. Наслаждался ласкающим кожу утренним бризом и любовался видом морского побережья. Смаковал с английским шиком четыре вида кукурузных и шоколадных хлопьев с прохладным молоком и утопленными в нём же сухофруктами. Аристократично, соблюдая предписанный этикетом угол отклонения мизинца от остальных согнутых пальцев, десертной ложечкой, отправлял в гастрономический вояж яйцо всмятку. И не забывал про тёплые, нежные круасаны к чаю с вареньем, вкус которого – абрикосовое, малиновое, яблочное, клубничное, вишнёвое, непонятное светлозелёное, может быть из киви и медовый джем, я чередовал по дням недели.

Кстати, завтрак необязательно было делить с гостями. А в отсутствии главных начальников, обед и ужин тоже, так как Боб равнодушно относился к этому правилу, предпочитая вообще не есть, а лишь перекусывать урывками или есть в одиночку, как нахохленная ворона. А Джан, похоже, вообще не принимал никаких правил и шефом являлся номинально.

Посему завтракал я либо в одиночестве, либо в компании отдыхающих, которые сами приглашали сотрапезничать, а заодно и поболтать с ними.

Затем я перемещался в радио-рубку, подключал и запускал аппаратуру, ближе к 10-ти утра ставил бодрящую музыку и делал анонсы мероприятий. Анонсы были стандартные. Фразы на немецком и турецком я сначала читал по бумажке с транскрипцией, обученный Мустафой, но через неделю обходился без оной, тем паче какой-то человек в бандане её умыкнул, желая насолить, или выбросил.

Турецкий же язык в анонсах, как объяснил Мусти, несмотря на временный недостаток местных туристов, необходим в первую очередь для администрации отеля, которая неусыпно следит за нашей работой. Выглядело это примерно так:

– Гюнайдын Туркие. Гюнайдын байанлар вэ байлар. Он беш дакика сонра хош гельдиниз сабах джимнастик амфитеатре..

Эта речь могла бы показаться читателю, не отягощённому ненужным хламом знаний в закромах мозга, бессвязным набором гласных и согласных, но тем не менее, обозначала следующее: Доброе утро Турция, доброе утро дамы и господа, через 15 минут приглашаем вас на утреннюю зарядку к амфитеатру...

Неизвестно, гордилась ли сцена Rose отеля, обладающая размерами провинциальной однокомнатной квартиры, без учёта кухни, коридора и сан-узла, сравнением с амфитеатром, но для зарядки это место было идеально. Поэтому от скользкой поверхности прилежащей к бару я переместился сюда. Звук рядом, поверхность возле сцены хоть и покрашенный цемент, но не норовит опрокинуть навзничь как кафель, ровная. И видимость занимающихся хорошая, а, следовательно, и наглядная реклама – кто хочет так же спортивно и весело начинать день в компании аниматора похожего на кинозвезду – присоединяйтесь.

На русском анонсе я немножко расслаблялся. Добавлял в комментарии температуру воздуха и моря, определяемую по своему собственному метеопрогнозу. Давал советы перебравшим вчера у барной стойки или урезонивал тех, кто имел подобные намерения на текущий вечер. Предупреждал о ненападениях акул, ввиду их отсутствия, об опасности засыпания на пляже в первый день отдыха и агитировал проводить время в нашей компании.

Первоначальная схема могла выглядеть таким образом:

– Доброе, доброе утро, дамы и господа, сеньоры и сеньориты, начинающие мамы и папы, а также их родители, леди и джентльмены, коли такие есть. Граждане отдыхающие! Товарищи и их побратимы! Жители планеты Земля! С вами говорит один из представителей небесной канцелярии, уполномоченный по связям с общественностью. Кто не помнит где вы, напоминаю, вы находитесь в Роуз Оотеле! Самом Роузном из всех Роузных! Если вы не помните, кто вы, но понимаете эту речь, вы русские. Кто ещё не успел позавтракать, поторопитесь, остались последние 15 минут до начала часовой голодовки, и не забудьте отведать горячих блинчиков от мистера Аа-а-али. А мы начинаем анимационную программу. И через 15 минут начало голодовки мы отметим утренней зарядкой. Утренняя зарядка с Алексом, бодро, задорно, бесплатно – вместе веселее! Начало в десять у сцены. Если будет на то воля божья и найдутся силы у аниматора Алекса, то в 11.30 продолжим борьбу с калориями в воде. Аквааэробика в 11.30. Те джентльмены и леди, кто желает испытать себя в настольном теннисе, велком. Чемпион Турции по теннису, мастер двойной подкрутки – мистер Мусти ждёт вас. Будьте осторожны при встрече с мужчиной в красных плавках. Он прилично вчера набрался и может излить на вас вчерашнюю часть себя. Клара Семёновна, вам горячий привет, скоро увидимся...

Затем я совершал утренний обход, собирая людей и стараясь не трогать их подобия с пляжа и бассейна на зарядку. Потому что на простой анонс велись не все. Кого-то надо было подбодрить лично, поговоривать, посостежить, поувещевать и позапугивать. Новенькие вообще не считали, что обращаются к ним, думая, что это голос в их голове или перевод утреннего намаза, и требовалось моё сошествие вживую с возможностью лицезрения представителя небесной канцелярии воочию.

Наверное люди, приезжающие на отдых в первый раз, сначала принимали меня за местного блаженного или умалишённого и может быть были недалеко от сути. Моему появлению на планете Земля и конкретно на пляже Розы, предшествовал звучный трубный глас, подобно рогу Боромира из легендарного фильма Питера Джексона. «Орки атакуют» – звучал рёв. Берестяной рог, изделие мастеров земли поморской, служил моей визитной карточкой, извещающей о физкультурборе новобранцев. Затем появлялся тёмно-русый парень спортивного вида, похожий на кинозвезду, со свистком на шее и рогом в руке, как правило, обнажённый до пояса. Чередуя свисток и призывные речитативы, парень пробирался мимо лежаков, взывая к отдыхающим и к их совести.

– Ррроууз Оотеель! Viva la siesta, amigos! Доброго утречка, роозовчане. Эхей! Подъёмчик, лежебоки, через 10 минут утренняя зарядка, явка обязательная. Всё включено! Зарядка уже тоже оплачена вами, осталось лишь прийти. Давайте, давайте – не надо косить под глухонемых и наматывать бинты на ногу, притворяясь раненым, я всё вижу. Что же вы как не родные, поднимаемся. Пошевеливаемся граждане и гражданки. Специально для вас вызвали русского аниматора, а вы под лежаки прячетесь. Кто на зарядку не пойдёт, тот животик наберёт. Mens sana in corpore sano, как говорили древние – в здоровом теле здоровый дух. Да, да – я к вам обращаюсь, нечего за арбузом таиться. От меня и от судьбы не уйдёшь. Конфетами не откупишься. Ударим аэробикой по кондитерским изделиям. Покажем пахлаве её место. Да не убоимся мы зарядки телесной и возрадуемся ей, наречённые братья и сёстры. Не надо смеяться, девушка, я не сумасшедший. Ну не на все 100. Я бы тоже повеселился, если бы у вас паспорт забрали, и сказали – не отдадим, пока 30 человек на зарядку не придёт...

Далее торжественно звучала песня без аккомпанемента: «Вставайте люди русские на правый бой, на смелый бой, с едою калорийною, с халвой и пахлавой».

Бывало такое, что раздавались единичные возмущённые возгласы.

– Можно в тишине полежать. Что ж это такое и здесь покоя нет?

Для меня это было подобно красной тряпке для быка или разлитой валерьянке для представителей семейства кошачьих.

– Клара Семёновна, вы что ли? А я то вас сразу и не признал, что же вы сразу в позе разведчика, ползущего по минному полю, замаскировались. А мы вас второй день разыскиваем, с ног сбились. Вы ж один раз на зарядку пожаловали и уходить не хотели. Помните? Ведь было такое. Велели продлевать на второй час. А потом что, опять сорвались на сладенькое? Ай яй яй, Клара Семёновна, как так-то. Ну ничего, всё поправимо. Ждём вас, во втором ряду слева для вас местечко забронировали....

Окружающие улыбались, а женщина могла и продолжить говорильню, подвергая себя дальнейшему риску.

– Да я только сегодня прилетела...

– О, простите... Минуточку.. А так это вы, Авдотья Никитишна. А я то обознался, за Клару Семёновну вас принял. Вы уж простите меня окаянного... Так это же вы нам письма слезливые писали, хочу мол, так и так, на зарядку турецкую попасть, спасу никакого нет. Так всё, Авдотья Никитишна, готово, милости просим....

Женщины помоложе иногда тоже просили тишины, дать возможность послушать море.

– Опасное это дело, гражданочка, море слушать, нашепчет вам всякой ерунды, потом заснуть не сможете, или хуже того, начнёте шоу устраивать. У нас тут была одна, русалкой Кришнаидой её прозвали. Море слушала, зарядкой брезговала. Так нашли её потом на этом же самом пляже – поначалу не узнали.., – делал театральную паузу. – На 12 кг больше стала, наслушалась лишнего, лёжа-то долго ли...

Если я видел существо, преимущественно мужского пола, раскиданное по лежаку и пускающее пузыри с характерным выбросом амбре в пятиметровой зоне поражения, то не мог равнодушно пройти мимо. Громко декламировал.

– Кто страдает головой, тот, кто много пива пил – на зарядку не ногой. Здесь лежи, как гамадрил!

Бывали и такие, кому моё поведение было в диковинку. Считали наглостью, хамством и форменным издевательством, так с людьми разговаривать. В чём-то они были правы, но намеренно я никого не обижал, следил за реакцией публики, чтобы не перейти за рамки дозволенного, но и в карман за словом не лез:

– Ох, простите гражданин начальник, за агитацию здорового образа жизни. Для вашего же блага стараюсь. Данный товарищ во хмелю, которого вы защищаете, ночью пол-танц-пола массами известного происхождения уделал. Мы эту массу на бактериологическое исследование отправили. Какую культуру под микроскопом выявили, ту же я и к нему применяю. Всё честь по чести. Алягер ком алягер. К тому же, видите – синее полотно с зелёным кружочком на флагштоке развевается. Значит, этот пляж признан экологически чистым. Но с таким выхлопом, как у данного товарища, флаг не долго висеть там будет. Поэтому и провожу воспитательную работу, о вашем же здоровье радею. Да и вообще, здесь, месье, не родина Наполеона. Ля Туркие элле эт а Африка ля Туркие (Турция она и в Африке Турция). Поэтому не обесудьте, страна полудикая. Да вы на местных аборигенов посмотрите. Вроде милейшие люди, а ведь только неделю назад как с дерева слезли, все ещё с бананов на нормальную пищу перейти не могут. Хоть готовить научились. Что говорите, плохо готовят? Так вы уже по домашней пище соскучились. По борщику со сметанкой и укропчиком, да? По голубцам, пельмешкам, да? Или огурчиков под водочку не хватает? Ну, звиняйте, братцы, через годик приезжайте, поднатаскаем аборигенов, научим. И вообще, вы, мужчина, лучше бы с женщин пример брали,

да к нам на зарядочку, а? А то я вижу вам скучновато, поболтать хочется. Там и поболтаем, заодно и невесту вам присмотрим. Что, уже жена есть? Так вот вместе и приходите. Жена и так ходит? А вы что же, ведь вроде не рыжий. Давайте, давайте, олтугезе, алесцузамен, сообща, так сказать. Или пока жена по зарядкам ходит, вы здесь перспективами создания гарема занимаетесь? Непорядок гражданин, ай-яй-яй...

Произведя эффект заинтересованности словообилием, я исчезал с пляжа, и – о чудо. Люди, преимущественно женщины, одна за одной, поднимались и следовали за мной.

– Кто шагает дружно в ряд – вес теряющий отряд. Не скучай и не зевай, а за мною подпевай..

Роль этакого повесы, птицы-говоруна и скомороха мне была по нутру. Здесь это было привычное явление, мало кто крутил пальцем у виска. Напротив, люди собирались на мои активити в приличных количествах, что иной раз зазевавшимся не хватало мест.

Такой же променад я совершал у бассейна. Свисток у меня был свой, именной, металлический, подаренный тётей перед отъездом. Он выдавал весьма пронзительные разнообразные трели и был незаменимым помощником и днём, и вечером на дискотеке. Кто отдыхал в Розе большого одного дня, постигал правило, где слышен свисток – там царствует Алекс.

Зарядка пользовалась успехом. Через пару дней после прибытия, я улучил время, прогулялся до самого центра Кемера, благо, что до него было минут 20 ходьбы. Переписал музыку в интернет-кафе на CD-болванки и проводил активити под свою музыку, в которой был уверен, что она соответствует духу мероприятия и где-то посреди аэробики не раздадутся звуки органа.

Сама зарядка от Алекса была нескольких видов. Если преобладала старшая возрастная группа, то стретчинг и тай-чи. Если молодые представительницы прекрасного пола украшали площадку, то аэробика с элементами тай-бо и круговой гимнастикой, как в центре подготовки десантников-парашютистов. Я забирался на сцену, поднимая своё самолюбие, был виден всем и оттуда руководил процессом, ритмично показывая несложные, но эффективные упражнения и связки, и люди организованно повторяли. Не забывал улыбаться и разбавлял бодрими подсказками, чтобы народ не скучал.

Тай-бо нравилось всем. Немножко попрыгать и поударять воздух кулаками, а иной раз и ногами было весело.

– Сильнее, быстрее! – оживлённо, успевая переводить дыхание, покрикивал я. – Citius, altius, fortius... Быстрее, выше, сильнее... Поднажали.. Пока тянет только на 5-процентную скидку. Вот, вот – отлично, здесь уже 20 дадут. Ага, супер, вот так ногой покажете – весь товар ваш бесплатно. А теперь покажу, как отбиваться от назойливых ухажёров.. переходим к связке прямой, боковой, апперкот.. отлично.. вот так.. уверенней.. и по улице гуляем спокойно.. пусть рискнут здоровьем, попробуют поприставать...

После зарядки я, скромно отнекиваясь, принимал положительные отзывы от заряженных позитивной энергией женщин, заряжался сам и бежал к бассейну, освежиться. В мае вода в потомке акведука была ещё прохладно-терпимой, поэтому контрастное наслаждение от влёта в холодную воду разгорячённым телом было невероятно пробирающим.

Дальше намечался небольшой тайм-аут – свободное время. В «тихом» баре появлялась приносимая с кухни пицца. Этот бар так и назывался, потому что ели эту пиццу по-тихому, не афишируя свою жевательную деятельность, иначе на всех желающих вкуснятины могло не хватить. Редко кто мог закричать: «Эй, Зина, зови наших, тут пиццу вкусную дают». Ему или ей сразу же зажимали рот и сердито пшикали. Некоторые чуть ли не дихлофосом. Я делился этой информацией о теплейше-сочнейшей с самыми достойными туристами. Там же возле пиццы, обитал Мустафа и его теннисный стол. Стопроцентное активити для ленивого сына востока. Есть настроение – поиграл с туристами, нет – поел пиццу и подремал рядышком на солнечной скамейке. Но большую часть времени Мустафа Мустафович проводил в поис-

ках гёлфренда. Это занятие он не относил к работе, поэтому не уклонялся от его ежедневного выполнения.

Поначалу его арсенал соблазнителя был скудноват:

«Привет, как дела, почему, по кочену, ты откуда, а я от вериблюда, давай пляж, сегодня можно, это что, пипетс».

Ещё кто-то научил подражателя Таркана фразе – «я сегодня очень, очень сексуально озабочен».

Даже с этим небогатым арсеналом фраз турецкий герой любовник умудрялся, судя по его историям похождениям, чего-то добиваться от пылких русских девчонок. Хотя, многие приезжающие за экзотикой имели явные цели её вкусить, независимо от словарного запаса пользователя, так почему бы и не согрешить с опрятно выглядящим парнем, стильно причёсанным, умеющим состроить умильное личико печального крошки-енота. Думаю, Мусту специально набавывал такой печально-подкупающий взгляд, просматривая японские мимишные анимэ, а с 2004 года роль кота из «шрэка».

Но опять же, в начале мая был не сезон. «Гест какашка, плохой гест», – сетовал на отдыхающих сам обольститель с продырявленным ухом. Юных красавиц практически не было. Женщины средних лет и старше, бледные дамы с хроническими заболеваниями, которым противопоказано жаркое солнце основных летних месяцев, мамы с детьми и пожилые немки, вот кто являлся нашей целевой аудиторией.

В это время я активно пополнял арсенал Мусту, большей частью смешными фразами.

– Давай займемися бизопасним.

– Эй, крошка, я вись гарю.

– Не хотити ли панафелетить вичерком?

– Приходи сигодния на синоваль, детка. Будит жарка.

– Ти тыкая симпатитька, давай паиграим во врыча.

– Знаиш Майк Джагер? А я Мусту Джага-джагер. Паказать, что это значит? Давай сеноваль.

И даже научил его напевать: «Ты девушка Прасковья из Подмосковья, а я парень шустрый, зовусь мистер Мусту».

Эти фразы вместе с акцентом, путаньем гласных и актёрской игрой лица, стали основной линией нападения турецкого Казановы. Осталось только дожидаться подходящих барышень. И вот мы дождались...

Дополнение к главе 4 и предисловие главы 5

Философо-патетическое.

Которое, особо нетерпеливый читатель может пропустить, так как непосредственного отношения к событиям, происходящим на турецком побережье, оно не имеет.

Я вообще, командируясь в Турцию, такой задачи перед собой не ставил – реализовать себя как самца вида *homo machos*. Первоначально ехал сменить рабочую обстановку. Из унылой тонированной восьмёрки, белки в колесе фармацевтической кампании превратиться в спортивную ферари, амфибию на заграничном курорте. Естественно, физиологические потребности у меня не исчезли и эстетические аспекты пребывания в обществе ярких дамочек тоже важны. Но если первая потребность пусть и не полностью, но подавляется рабочей усталостью, то вторые аспекты вообще не требуют развития контактов за гранью приятельского знакомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.